

Барбара Такман

ИСТОРИЯ

A Distant Mirror. The Calamitous 14th Century

ЗАГАДКА XIV ВЕКА

ИСТОРИЯ В ОДНОМ ТОМЕ

История в одном томе

Барбара Такман
Загадка XIV века

«Издательство АСТ»

1978

УДК 94(4)"13"
ББК 63.3(4)

Такман Б.

Загадка XIV века / Б. Такман — «Издательство АСТ»,
1978 — (История в одном томе)

ISBN 978-5-17-117562-7

XIV век – переломное время. Одно из самых мрачных и загадочных столетий не только во французской, но и в европейской истории. Время «авиньонского пленения» пап, Столетней войны, пандемии «Черной смерти», которая унесла жизни трети населения Европы, короткой и кровавой Жакерии и расцвета множества причудливых ересей. Время насилия и беззакония, голода и разорения, безверия и уныния. Но жизнь продолжается даже в самые черные времена... Перед читателем – уникальная книга. Ее автор, знаменитая писательница, дважды лауреат Пулитцеровской премии, автор «Августовских пушек» Барбара Такман, превращает историю семьи де Куси в своеобразное зеркало, отражающее саму историю XIV столетия... В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(4)"13"

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-17-117562-7

© Такман Б., 1978
© Издательство АСТ, 1978

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Часть первая	13
Глава 1. «Я – сир де Куси»: династия	13
Глава 2. Век несчастий	27
Глава 3. Рыцарство	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Барбара Такман Загадка XIV века

Barbara W. Tuchman

A Distant Mirror. The Calamitous 14th Century

© Barbara W. Tuchman, 1978

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

*Человечество остается все тем же, и природа все та же, но тем
не менее все меняется.*

Джон Драйден. О персонажах «Кентерберийских рассказов»

От автора

В первую очередь выражаю сердечную благодарность Анри Грепену, помощнику мэра Куси-ле-Шато и президенту Общества по реставрации замка Куси и его окрестностей, за гостеприимство и оказанную мне помощь в работе над этой книгой, Роберту Готтлибу, моему издателю, за его неизменную поддержку и здравые замечания, моей дочери Альме Такман за подбор материалов и моей подруге Катрине Ромни, проявившей интерес к книге и постоянно меня вдохновлявшей и поддерживавшей.

При работе над книгой меня неустанно консультировали по вопросам средневековой истории профессора Джон Бентон, Джайлс Констебл, Юджин Кокс, Дж. Н. Хильгарт, Гарри А. Мискиман, Линн Уайт, Филлис У. Дж. Гордон, Джон Пламмер из Библиотеки Моргана, а также профессора Робер Фоссье из Сорбонны, Раймон Газей из Шантийи, Филипп Вольф из Тулузы, Тереза д'Алверни из Национальной французской библиотеки, Ив Мерман из Национального архива Бюро де Со, Жорж Дюма из архива де л'Эн и г. Депуьи из Суассонского музея.

Я также благодарю профессора Ирвина Саундерса за предоставленную возможность побывать в Институте балканской культуры в Софии, а также профессоров этого института Топкову-Заимову и Елизавету Тодорову, оказавших мне помощь в посещении Никополя.

Выражаю также признательность сотрудникам Библиотеки Уайденера (в Гарвардском университете), Библиотеки Стерлинга (в Йельском университете) и Национальной библиотеки в Нью-Йорке за многостороннюю помощь. В равной степени благодарю всех непоименованных мною людей, помогавших мне в течение семи лет при написании этой книги.

Пролог

Исторический период, главный герой и возможные хронологические и фактологические неточности

Назначение этой книги – определить, сколь пагубное влияние оказала на состояние общества «Черная смерть», то есть пандемия чумы 1348–1350 годов, – унесшая примерно треть населения, проживавшего на территории от Индии до Исландии. Исходя из современных реалий, интерес к этому очевиден, если принять также во внимание, что, по словам современника, XIV век явился «скопищем большого количества странных и ужасных несчастий, ополчившихся на людей». Несчастий этих было гораздо больше, чем предрекли четыре всадника из видения святого Иоанна: чума, война, обременительные налоги, разбой, некомпетентные правительства, мятежи, раскол церкви. Все эти несчастья, кроме чумы, происходили из условий жизни, существовавших до «Черной смерти», и сохранившихся после окончания пандемии.

Интерес к XIV веку – ужасному, жестокому, с разобщенностью людей времени, озамененному, как многие полагали, торжеством Сатаны, – проявился у меня еще и по той причине, что его, как мне кажется, можно сравнить с нашим временем и найти утешение в том, что хотя два последних десятилетия сопровождались небывалыми потрясениями, в XIV столетии люди жили гораздо хуже.

Исторические параллели проводились и раньше. Сравнивая последствия «Черной смерти» и Первой мировой войны, историк Джеймс Уэстфолл Томпсон отметил явные сходства: экономический хаос, социальные беспорядки, высокие цены, спекуляция, снижение производства, бесшабашный разгул, распущенность, социальная и религиозная истерия, алчность и сопутствующая ей скупость, плохое управление, упадок морали. «История вовеки не повторяется», – говорил Вольтер, а «люди в любое время одни и те же», добавлял Фукидид, подтверждая тем самым свою антропологическую и психологическую концепции.

Четырнадцатый век, по определению швейцарского историка Жана Шарля Леонарда Симона де Сисмонди, явился «плохим промежутком времени для людей». Да и другие историки склонны порицать XIV столетие, ибо оно не укладывается в картину человеческого прогресса. После ужасного XX века, вместившего в себя две разрушительные войны, можно с сочувствием отнестись к XIV столетию, также сопровождавшемуся трагическими событиями и ставшему «периодом душевных и физических мук, не позволявших надеяться на лучшее будущее».

Шестьсот лет, прошедших после XIV столетия, позволяют ясно определить, что является главным для человека. Физические, психологические и нравственные условия жизни в средневековье настолько отличались от условий нашей нынешней жизни, что можно предположить: люди того далекого времени являли собой другую, отличную от нашей, цивилизацию. И все же поведение и поступки людей во враждебной, агрессивной среде почти одинаковы для людей разных эпох, ибо присущи их естеству. Французский писатель Эдуар Перруа в книге о Столетней войне, которую он писал, скрываясь от гестапо во время Второй мировой войны, утверждал: «Некоторые примеры поведения людей в беде, некоторые ответы на вызов судьбы в разные времена становятся понятными благодаря взаимному сравнению».

Пятьдесят лет, последовавших за «Черной смертью» 1348–1350-х годов, являются, на мой взгляд, сущностью исторического периода, протянувшегося примерно с 1300 по 1450 год. Чтобы сузить область своих исследований и добиться тем самым стабильного управления интригой повествования, я остановилась на жизни одного человека, ставшего в моем изло-

жении движителем рассказа. Жизнь этого человека позволила, как мне кажется, правдиво и доходчиво рассказать о жизни нескольких поколений определенного исторического периода.

Человек, о котором пойдет рассказ, не король, ибо о людях столь высокого ранга и без меня много рассказывали, и не человек из народа, потому что жизнь простолюдина в большинстве случаев не способна отобразить жизнь всего современного ему общества. Человек этот не священнослужитель, ибо жизнь служителей церкви не в моей компетенции, но и не женщина, потому что если от какой-либо женщины, жившей в средневековье, и сохранились документальные данные, то эта жизнь нетипична для ее современниц.

Поэтому мой выбор пал на мужчину, человека второго сословия, французского дворянина Ангеррана де Куси, последнего из династии «наиболее опытных и умелых рыцарей Франции», жившего с 1340 по 1397 год. Его жизнь относится именно к тому времени, о котором я хочу рассказать.

Ангерран женился на старшей дочери английского короля, в результате чего стал вассалом монархов двух воюющих стран, что расширило его политические возможности. Он играл главную роль в каждой публичной драме своего времени, и у него хватило здравого смысла стать патроном известного хрониста Жана Фруассара; данное обстоятельство поспособствовало тому, что о нем дошли до нашего времени документальные сведения. К сожалению, не сохранился его портрет, если таковой и был написан. Но в то же время неплохо, что ни в английской, ни во французской литературе об Ангерране почти ничего не сказано, за исключением небольшой публикации на английском в 1939 году и его биографии на французском в виде рукописных тезисов к диссертации на соискание докторской степени – работы, относящейся к 1890 году. Это позволило автору при написании книги избрать собственный путь. Правда, близкое знакомство читателя с Ангерраном случится только в седьмой главе, а до этого автор посчитал нужным описать исторические события, на фоне которых протекала жизнь Ангеррана, впервые заявившего о себе на исторической сцене в 1358 году в возрасте восемнадцати лет.

Должна заметить, что в моей книге возможны временные и фактические неточности. Точная датировка каких-либо событий может показаться части читателей излишне педантичным занятием, но точные даты не только помогают правильно ориентироваться во времени, но и способствуют верному пониманию причин и следствий произошедшего.

К сожалению, средневековая хронология трудно воспринимается. Год в европейских странах начинался с Пасхи, а время этого церковного праздника колебалось с 22 марта по 22 апреля, и чаще всего фиксированной датой Нового года считалось 25 марта. Переход на новый стиль счета времени произошел в XVI веке, но не везде был принят до XVIII столетия, и поэтому трудно точно установить год XIV века, в котором исторические события происходили в январе, феврале и марте. Кроме того, в английской документации хронисты нередко вели счет времени с года восшествия на престол английского короля, а в некоторых документах и хрониках счет времени ведется с года начала правления очередного главы римской католической церкви. Более того, хронисты зачастую не датировали какое-либо событие днем определенного месяца, а пользовались церковным календарем, говоря, к примеру, о втором дне до Рождества Пресвятой девы Марии, или о понедельнике после Богоявления, или о дне святого Иоанна Крестителя или о третьем воскресенье во время Великого поста. Такой календарь не только ставит в тупик историков, но и был неудобен для самих жителей XIV столетия.

Тем не менее числа и подсчет, связанный с ними, имеют существенное значение хотя бы по той причине, что они помогают определить численность населения, вовлеченного в то или иное занятие. Однако в средневековье точность подсчета зачастую не соблюдали. Так, постоянно преувеличивалась численность армий, что в прошлом, когда она расценивалась как истинная, приводило к непониманию войн, имевших место в средневековье, которые воспри-

нимались как аналоги современных сражений, чем они не являлись ни в целях, ни в средствах, ни в способах ведения боевых действий.

Следует допустить, что численность армий, военные потери, число погибших от смертельных болезней, количество участников бунтов и мятежей во много раз преувеличивались, что объяснялось, видимо, тем, что хронисты нередко пользовались числами, дабы огоршить читателей и нагнать на них страх.

Количественные данные, с самого начала неправильные, повторялись одним поколением историков за другим. Только в конце прошлого века ученые, на основании изученных документов, провели ревизию численных данных средневековья, но по некоторым вопросам так к единому мнению и не пришли. Так, Дж. Рассел определил численность населения Франции до пандемии чумы в двадцать один миллион человек, Фердинанд Лот в интервале от пятнадцати до шестнадцати миллионов, а Эдуар Перруа – от десяти до одиннадцати миллионов. Численность населения в прошлом определяют по многим факторам – например, по сумме собранных податей, по развитию торговли и сельского хозяйства, по удовлетворению спроса на продовольственные товары. Разный подход к этим вопросам приводит к расхождению данных. Данные хронистов, которые показались мне наиболее искаженными, взяты в моей книге в кавычки.

Изучая историю средневековья, сталкиваешься и с разночтением имен и искажением фактов, что вызывалось непониманием текстов рукописей или неправильным переводом с одного языка на другой. Например, скандально известная госпожа де Курси была принята историком XIX столетия за вторую жену де Куси. Граф д'Осер, участвовавший в битве при Пуатье, в английских хрониках получил самые разные имена: Онсер, Оссюр, Сусьер, Узур, Уосер, а в «Больших французских хрониках» его называли Сансерром. Ангерран на английском языке поименован как Ингельран.

Неудивительно, что, изучая некий английский текст, я приняла Каноль за промышлявшего разбоем французского капитана Арно де Серволя, но впоследствии выяснила, что Каноль – вариант имени Ноулс, английского капитана, также пользовавшегося дурной репутацией.

Изабеллу Баварскую, французскую королеву, один из историков назвал высокой блондинкой, а другой – темноволосой маленькой женщиной. Турецкого султана Баязида его современники именовали храбрым, алчным и предприимчивым, наделив прозвищем «Молния», а современный венгерский историк охарактеризовал Баязида как чувственного, нерешительного и женоподобного человека.

Можно посчитать аксиомой, что любое суждение, относящееся к средневековью, имеет свою противоположную версию. Так, например, одни историки утверждают, что численность женщин в те времена превышала число мужчин, потому что мужчины гибли в сражениях. Другие историки полагают, что больше было мужчин, ибо женщины часто умирали при родах. Противоположны и другие суждения: простолюдины хорошо знали Библию – простолюдины даже не держали ее в руках; французские крестьяне ходили грязными, издавая отвратительных запах, питались хлебом и луком – французские крестьяне часто ходили в деревенскую баню, ели мясо.

Впрочем, противоречия – составная часть жизни, а не только свидетельство противоречивых суждений. Ни обычаи, ни привычки, ни общество не обходятся без противоположных явлений. В средневековье голодающие крестьяне соседствовали с зажиточными. Рыцари толковали о чести и занимались разбоем. Во время «великого мора» XIV столетия пышным цветом цвели роскошь и расточительность. В целом можно сказать, что средневековье наиболее богато своими противоречиями.

Следует также учесть, что оценка средневековья в большой мере зависит от суждений историков. За последние шестьсот лет эта оценка и подход к исследованию предмета значительно изменились. В течение XV–XVII веков историки, главным образом, изучали генеалогию

знати, исходя из того, что высокородные люди – основные персонажи истории. Эти исследования в своих частностях иногда представляют значительный интерес – например, осуждение Ансельмом гасконского дворянина, наделявшего приданым несчастных девушек, которых он обесчестил.

Французская революция внесла изменения во взглядах историков на средневековье. Теперь они стали считать героем простолюдина, по определению почтенного человека, а рыцарей с королями отнесли к категории ужасных носителей беззакония. Более взвешенно к вопросам средневековья отнеслись историки XIX столетия и первой половины XX века, проделавшие большую работу. Они отыскивали и опубликовали первоисточники, снабдили хроники примечаниями, исследовали большое число трактатов, проповедей и писем и тем самым заложили фундамент современной науки, изучающей историю Средних веков.

В XIX веке наиболее крупным ученым, изучавшим средневековье, был Симеон Люк, автор труда о Жакерии. Несмотря на некоторую предвзятость исследования, его работа поистине уникальна, ибо основана на множестве документов, ранее неизвестных. Из историков первой половины XX века следует выделить Марка Блока, который исследовал историю Средних веков с позиций социологии и приходил к своим выводам путем изучения обыкновенных житейских дел. Так, например, количество облаток, купленных прихожанами в определенной епархии, он принимал за показатель религиозности ее жителей.

При написании этой книги мне помогли работы историков, в том числе хронистов средневековья, хотя на труды последних в настоящее время не принято полагаться, но для понимания определенного исторического периода я считаю их сочинения необходимыми и полезными. Кроме того, хроники суть рассказы, как и моя работа. Несмотря на обилие информации о средневековье, о некоторых аспектах этого времени никаких сведений не имеется. Чтобы заполнить этот пробел, приходится использовать выражения «возможно», «предположительно».

Кроме того, необходимо отметить, что та информация о средневековье, что дошла до нашего времени, зачастую перегружена описанием негативных явлений в жизни средневекового общества: описанием зла, насилия, раздоров, обид, что сравнимо с информацией современных газет. История покоится на сохранившихся документах, а они, в основном, рассказывают об имевших место несчастьях, бедствиях, преступлениях, дурных поступках людей, что зафиксировано в различного рода документации и литературных произведениях: договорах, судебных делах, обличениях моралистов, сатире и, наконец, в папских буллах. Ни один римский папа не выпустил буллу с целью одобрения какой-либо инициативы.

Негативное отношение к существовавшим порядкам и современному ему обществу хорошо видно в работах религиозного реформатора Николя де Кламанжа, который, обличая прелатов, высших должностных лиц римской католической церкви, в 1401 году заявил, что не станет обсуждать реформацию с честными священнослужителями, потому что «в церковной среде их меньшинство».

Однако несчастья и бедствия редко являются всеобъемлющими, как можно заключить из составленных документов. Но сам факт описания какой-либо трагедии придает ей всесторонность, хотя на самом деле она есть спорадическое явление, характерное лишь для определенного места и времени. Как мы сами можем судить, нормальная жизнь по времени превышает суетную и нервную. Однако наслушавшись нынешних новостей, люди воспринимают действительность как вместилище преступлений и прочих негативных явлений, вызванных несостоятельностью властей. Вокруг мерещатся наркоманы, неонацисты, насильники. Выходит, что человек может считать удачей, если вернется домой целым и невредимым. Я сформулировала закон: когда тебе о чем-то постоянно твердят, вероятность того, что это произойдет, увеличивается в пять-десять раз (читатель может изменить это число по своему усмотрению).

Еще одной помехой в понимании аспектов средневековья являются трудности постижения эмоционального настроя людей того времени, проникновения в их переживания и эмоции.

Основным барьером этого понимания является, как я полагаю, религия, поистине вездесущая, принудительная, являвшаяся в то время законом и насаждавшая догму о бессмертной душе и превалировании духовной жизни над мирской жизнью людей – положение, которое современные люди не разделяют вне зависимости от меры их набожности. Неприятие этой догмы и ее замена верой в ценности человека и активную жизнь, не сосредоточенную на религии и слепой вере в Бога, привело к созданию современного мира и завершило средневековье.

Проблема понимания аспектов средневековья усложняется тем, что хотя в те времена и считался богоугодным и правильным отказ от мирской чувственной жизни, на практике от нее не отказывались; в том числе это было характерно и для священнослужителей. Некоторые люди, правда, пытались вести аскетическую благонравную жизнь, а иные в этом даже преуспевали, но все-таки в XIV столетии большое внимание придавалось личному состоянию и обеспеченной жизни, а отношение к мирским плотским утехам было таким же, как и в любое другое время.

Несоответствие основного принципа христианства повседневной жизни людей характерно для эпохи средневековья. Эту проблему в своих трудах рассмотрел Эдуард Гиббон, писавший в эпоху Просвещения, но он не поднялся выше легковесной иронии, потешаясь над фальшивостью христианского идеала и противопоставляя ему естественную жизнь человека. Поэтому я не считаю, при всем моем уважении к признанному историку, что он объяснил проблему. Люди сами создали идеал христианской веры и пытались его поддерживать на протяжении более тысячи лет, хотя и не строго его придерживались. В этом идеале, несомненно, имелись потребность и гораздо более фундаментальное назначение, чем отведенная ему роль элегантной иронии просветителя.

Несоответствие между идеалом и практической жизнью прослеживается и в рыцарстве, главной политической силе правителей того времени. Идеалом считался порядок в мире, который собирались установить храбрые рыцари, собиравшиеся за Круглым столом, символом равноправия и партнерства. Рыцари короля Артура отправлялись на поиски приключений, чтобы бороться с драконами, чародеями и злыми, безнравственными людьми и установить в мире порядок. Их последователи, реальные рыцари, теоретически считались защитниками веры и справедливости, заступниками бесправных, но на практике они сами являлись притеснителями людей, и к XIV столетию беззаконие и насилие стали главной причиной беспорядков и смуты.

Когда разрыв между идеалом и практикой становится излишне широким, идеал разрушается. В артуровских легендах говорится о том, что Круглый стол был расшатан самими рыцарями, а чудесный меч Эскалибур возвращен его хозяйке, Владычице озера. Идеал разрушается, но затем человек, каким бы он ни был злым, жадным и несущим разруху, опять стремится к порядку и начинает поиски нового идеала.

Деньги

Средневековые деньги происходят от *libra* (ливра или фунта) чистого серебра, состоявшего поначалу из 240 серебряных пенсов, а затем из 20 шиллингов или су; при этом каждая из этих денежных единиц равнялась 12 пенсам. Флорин, дукат, франк, ливр, марка, экю и английский фунт примерно равнялись изначальному фунту, хотя со временем вес этих монет и содержание в них серебра изменялись. В середине XIII столетия ближайшими к эталону являлись монеты, содержавшие от трех до пяти граммов золота, – флорентийский флорин и венецианский дукат. Слово «золото» (французское *d'or*) фигурирует в названии французских монет «эки» (*ecu d'or*) и «мутондор» (*mouton d'or*), которые представляли собой монеты чистого золота. Если судить о деньгах лишь по названию, например о французском ливре как об одной из его разновидностей – парижской, турецкой или бордоской чеканки, мало чем отли-

чавшихся друг от друга, – то ливр этот являлся денежной единицей, существовавшей лишь на бумаге.

С учетом сложности этой проблемы несведущему читателю не следует вдаваться в подробности, потому что сами названия денег не несут специальной нагрузки и их нужно воспринимать, имея в виду лишь их покупательную способность. Время от времени в своей книге, когда я упоминаю, к примеру, о жаловании солдат, о доходах ремесленников, о цене лошади или плуга, о расходах буржуазной семьи, о сумме налогов, я пытаюсь соотнести средневековые деньги с реальной стоимостью услуг и товаров. Но я не стремилась и не стремлюсь соотнести эти деньги с курсом одной денежной единицы, например с ливром или с франком, ибо курс денег непрерывно менялся, как менялась и стоимость золота и серебра. В своей книге я просто использовала те названия денег, которые упомянуты в документах и хрониках, мною использованных при ее написании, и потому прошу читателя отнестись к этим денежным единицам как к одним из многих существовавших.

Часть первая

Глава 1. «Я – сир де Куси»: династия

На северо-востоке Франции, в Пикардии, на высоком холме возвышался грандиозный полный величия пятибашенный замок Куси, являвшийся то ли стражем Парижа, то ли его соперником. Из середины этого замка устремлялся ввысь гигантский цилиндр, вдвое выше угловых башен. Это был донжон, самый большой в Европе и самый мощный из подобного рода сооружений, возведенных в средневековье: девяносто футов в диаметре и высотой в сто восемьдесят футов, способный вместить при необходимости тысячу человек. Донжон защищал сам замок и, окруженный крепостной стеной с тридцатью сторожевыми башенками на ней, все сооружения вокруг замка: церковь, дома, хозяйственные постройки. Путешественники, оказавшиеся в здешних краях, видели этот колосс баронской мощи за несколько миль от замка, а приближаясь к нему, вероятно, испытывали благоговейный страх перед ним.

Под стать циклопическому донжону были и внутренние помещения замка: высота ступеней доходила до шестнадцати дюймов, подоконники находились в трех с половиной футах от пола, а каменные перемычки замковых окон составляли два кубических ярда – казалось, замок возведен для гигантов. Амбициозные, источающие угрозы, при случае беспощадные, де Куси обосновались на территории, естественно возвышавшейся над округой. Замок, расположенный на высоком холме, господствовал над путем из долины реки Эйле в долину Уазы. Отсюда де Куси бросали вызов монархам, грабили церковные земли, отправлялись в крестовые походы и, несмотря на то, что их осуждали и отлучали от церкви за преступления, регулярно увеличивали собственные владения, женились на особах королевских кровей и взлелеяли свою гордость, выливавшуюся на поле сражения в воинственный клич «За благородных Куси!». Являясь одними из четырех наиболее именитых баронов Франции, они насмехались над титулами и взяли себе девиз, по виду простой, но полный высокомерия:

Roi ne suis
Ne prince ne duc ne comte aussi;
Je suis le sire de Coucy.

Я не король, не принц
Не герцог, не граф.
Я – сир де Куси.

Строительство замка Куси началось в 1223 году в пору расцвета средневековой архитектуры, когда были возведены величественные соборы на севере Франции – в Лане, Реймсе, Амьене, а также в Бове, находившемся в пятидесяти милях от замка. Но если для строительства этих соборов потребовалось от пятидесяти до ста лет, то замок Куси по воле его владельца Ангеррана де Куси III был возведен за неправдоподобно короткий срок – всего за семь лет.

Замок размещался на площади, превышавшей два акра. Его четыре угловые башни, каждая высотой в девяносто футов и шестьдесят пять футов в диаметре, и стена, с трех сторон следовавшая рельефу местности, образовывали своего рода бастион. Единственным входом в замок являлись крепостные ворота, защищенные сторожевыми башнями, рвом с водой и опускаемой железной решеткой. За воротами, на территории площадью около шести акров, находились конюшни, служебные помещения, ристалище и выгон для лошадей. За замком располагался небольшой городок с сотней домов и церковью. Холм окружала внешняя крепост-

ная стена с тремя крепкими, основательными воротами. Южная сторона холма, обращенная к Суассону, обрывалась крутыми склонами, а на северной стороне, обращенной к Лану, где холм сливался с плато, был вырыт огромный ров.

В стены донжона, толщиной от восемнадцати до тридцати футов, была встроена винтовая лестница, соединявшая все три этажа. В крыше донжона имелось отверстие, совмещенное с отверстиями в сводчатых потолках каждого этажа. Эта система совмещенных отверстий вносила усиленную лепту в освещение замка и позволяла доставлять на нужный этаж оружие и пищевые продукты без необходимости тащить их по лестницам. Та же система позволяла передавать голосовые приказы разом на все этажи донжона. В донжоне имелось несколько кухонь, а на его крыше располагался заполнявшийся дождевой водой рыбный садок. В донжоне имелись также колодец, камин, печи для приготовления пищи, кладовые, подвалы. Подземные сводчатые ходы вели к каждой значимой части замка и на его двор, а потайные ходы тянулись за крепостные стены, и по ним при осаде замка могли доставляться продукты питания. С крыши донжона открывалась прекрасная перспектива на всю округу до Компьенских лесов, находившихся в тридцати милях от замка, что позволяло вовремя заметить опасность. По своему проекту и исполнению замок Куси был самой надежной крепостью средневековой Европы, а размерами он поистине поражал самую дерзостную фантазию.

Главным назначением превращенного в крепость замка являлась защита от неприятеля. В средневековой крепость была таким же символом времени, как и крест. В «Романе о Розе» замок, в котором заключена героиня, предстает крепостью, каковой следует овладеть для удовлетворения сексуальных желаний. В реальной жизни замок защищал своих владельцев от набегов врагов, типичного явления средневековья. Предшественницей замка была римская вилла, не имевшая защитных сооружений. Ее владельцы полагались на римский закон, а при необходимости – на римские легионы. После падения Римской империи средневековое общество распалось на разрозненные, враждовавшие между собой фракции, не имевшие светской центральной власти. Лишь церковь пыталась сплотить людей, ибо общество не приемлет анархии.

Постепенно возродилась монархия, но как только новая власть стала набирать силу, она столкнулась с противодействием церкви и феодалов. В то же время буржуазия, отстаивая собственные интересы, предлагала свою поддержку то церкви, то королям, то баронам в обмен на хартии вольностей, в результате чего образовалось третье сословие. Однако политическое равновесие между сословиями, агрессивно настроенными друг к другу, являлось довольно шатким, ибо у короля не было под рукой постоянной армии. Королю приходилось рассчитывать на войско вассалов, лишь со временем у него появилась наемная армия. Власть все еще не была централизованной и зависела от волеизлияния феодалов и выполнения ими феодальной присяги. Не обязательства гражданина перед государством, а обязательства вассала перед своим господином определяли тогдашнюю политическую структуру. Государство все еще боролось за свое существование.

Благодаря расположению в центре Пикардии замок Куси являлся «одним из ключей французского королевства». Примыкая на севере к Фландрии, а на западе к Нормандии и Ла-Маншу, Пикардия являлась главной сухопутной и водной артерией Северной Франции. Ее реки несли свои воды как на юг – в Сену, так и на запад – в Ла-Манш. Благодаря своей плодородной почве и обилию полей, лугов и лесов Пикардия являлась главным сельскохозяйственным районом страны, житницей Франции. В начале XIV столетия в Пикардии насчитывалось около двухсот пятидесяти хозяйств с населением, превышавшим миллион человек, что превосходит численность населения этой провинции в настоящее время. Города Пикардии первыми получили права городских общин.

По предположительным данным, земли, на которых впоследствии был построен замок Куси, первоначально принадлежали реймскому архиепископу святому Реми, которые ему подарил около 500 года франкский король Хлодвиг I, обращенный архиепископом в христианство. Хлодвиг I, по существу, поддержал почин Константина, римского императора, официально признавшего христианскую церковь. Но при Константине христианство было не только признано, но и скомпрометировано.

Уильям Ленгленд писал:

Когда Константин даровал Святой Церкви
Земли, власть и прислужников,
Над римлянами воспарил ангел, провозгласивший:
«Этот день напоен отравой,
И все последователи Петра отравлены на веки веков».

Основным конфликтом средневековья являлось противоречие между духовностью и мирскими потребностями людей. Стремление церкви к духовному лидерству, сочетавшееся с неумолимой жаждой обогащения, подрывало ее влияние и понуждало часть верующих отступать от господствующей доктрины, что в конце концов привело к расколу.

Согласно раннему латинскому источнику, местность Куси называлась Кодициак. Предположительно, это название происходит от *Codex, codicis*, что значит «дерево, очищенное от веток», которое шло у галлов на строительство частокола. В 910–920 годах Эрве, реймский архиепископ, построил в этой местности небольшой замок вместе с часовней, окружив их укрепленной стеной для защиты своих владений от нападений скандинавов, вторгавшихся в долину Уазы. Жители деревни, располагавшейся на холме ниже замка, при нападении неприятеля искали защиту за укрепленной стеной, окружавшей замок, и в конце концов построили там небольшой городок, со временем получивший название Куси-ле-Шато, в отличие от деревни Куси-ла-Виль.

В те жестокие времена на эту местность постоянно претендовали равно воинственные бароны, архиепископы, короли. В то время появились профессиональные воины, которые не только противостояли захватчикам (скандинавам, приходившим с севера, и маврам, вторгавшимся с юга), но и с не меньшей охотой воевали между собой. В 975 году Одельрик, реймский архиепископ, уступил замок графу д'Эду, основателю династии де Куси. Об этом человеке, кроме его имени, ничего не известно, но он, обосновавшись в замке, передал своему потомству необыкновенную силу и необузданный нрав.

Первое дошедшее до нашего времени свидетельство о представителях династии де Куси исходит из документа, в котором говорится о том, что в 1059 году Обри де Куси построил вблизи холма (где впоследствии был возведен замок Куси) бенедиктинское аббатство Ножансу-Куси. Такой акцией, превосходившей по значению обычное даяние верующих, Обри, видимо, хотел показать свою щедрость и заодно обеспечить себе спасение (как его понимали верующие люди). В следующем веке брюзгливый аббат Гвибер жаловался на бедность аббатства, но, по другим свидетельствам, оно процветало, ибо его поддерживало деньгами состоятельное семейство Куси.

Наследник Обри, Ангерран I, участник многих скандалов, был одержим страстью к женщинам, как утверждает аббат Гвибер в своей «Исповеди» (сам страдавший подавленной сексуальностью). Охваченный страстью к Сибиль, жене феодального сеньора Лорена, Ангерран с помощью угодливого епископа Лана развелся со своей первой женой Аделью де Марль, обвинив ее в нарушении супружеской верности. После этого, с разрешения церкви, Ангерран сочетался браком с Сибиль, хотя она была замужем. Муж ее, вопреки донесениям, не погиб на

войне, а сама дама, по слухам отличавшаяся беспутностью, была беременна от связи на стороне.

Из этой кошмарной семьи вышел «бешеный волк» (как о нем отзывался аббат Сугер Сен-Дени), самый злобный и дикий из Куси, Томас де Марль, сын брошенной Адели. Люто ненавидевший своего отца, который фактически отказал ему в наследстве, Томас, повзрослев, встрял в бесконечную войну, первоначально развязанную против Ангеррана отвергнутым мужем Сибиль.

Подобные локальные войны имели целью уничтожить врага или, как минимум, истребить как можно больше его крестьян и уничтожить поля, виноградники и сельскохозяйственные постройки с тем, чтобы уменьшить его доходы. В результате главной жертвой подобных войн становились крестьяне. По свидетельству аббата Гвибера, во время «дикой войны» между Лореном и Ангерраном пленным отрубали ноги и выкалывали глаза. Бесчисленные локальные войны стали настоящим бичом Европы, и крестовые походы, как полагали, были специально (пусть и, возможно, на подсознательном, так сказать, уровне) организованы, чтобы облегчить положение – через создание отдушины для выхода агрессии.

Когда в 1095 году был созван Первый крестовый поход с целью освобождения Иерусалима и Гроба Господня от ига магометан, в нем приняли участие и Томас, и Ангерран, по-прежнему питавшие друг к другу лютую ненависть. Во время похода зародился герб де Куси, но кто стал его создателем – Ангерран или Томас, – в точности неизвестно. Случилось так, что однажды ночью одного из них с пятью другими людьми окружили мусульмане. Тогда предводитель рыцарей – то ли Ангерран, то ли Томас – снял с себя алый плащ, отделанный беличьим мехом, разорвал его на шесть лоскутов и раздал по лоскуту каждому рыцарю для опознания в бою. После этого рыцари атаковали магометан и всех перебили. В ознаменование этой победы то ли Ангерран, то ли Томас начертал на своем щите герб: шесть горизонтальных полос, символизирующих беличий мех, на червленом поле.

Унаследовав от своей матери земли Марль и Ла Фер, Томас присоединил их к поместью Куси, которое перешло к нему в 1116 году. Строптивый, с бешеным нравом, Томас постоянно враждовал с соседями, церковью и королем. По словам аббата Сугера, ему «помогал сам дьявол». Томас захватывал монастырские земли, издевался над пленными (подвешивал их за гениталии, пока те не отрывались под весом тела), а однажды собственными руками перерезал горло тридцати взбунтовавшимся горожанам. Свой замок он превратил в «гнездовье драконов и пещеру разбойников».

Томаса отлучили от церкви, которая повелела предавать злодея анафеме каждое воскресенье во всех церквях Пикардии. Наконец король Людовик VI собрал войско против преступного Томаса и отобрал у него незаконно захваченные земли. В конце концов Томас дрогнул, испугавшись угрозы ада, куда отправлялись загубившие свою бессмертную душу, и по существу уступил требованиям и наставлениям церкви, на которых та наживалась не один век. Он оставил снискавшее дурную славу аббатство Ножан-су-Куси и основал неподалеку другое аббатство, получившее название Премонтре. Томас умер в своей постели в 1130 году. Он был женат три раза. Аббат Гвибер назвал его «самым безнравственным человеком своего поколения».

В XII–XIII столетиях в странах Европы произошла определенная централизация политической власти, что благотворно сказалось на развитии общества. Развивались торговля, строительство, банковское и кредитное дело, образование, исследование новых земель и другие сферы деятельности людей, открывавшие новые горизонты. В те двести лет, названных Высоким средневековьем, вошли в обиход механические часы и компас, ткацкие станки и прялки, ветряные и водяные мельницы. Тогда Марко Поло совершил путешествие через Центральную Азию в далекий Китай, вернувшись в Европу морем. Фома Аквинский, теолог и философ, составил свои труды, способствовавшие распространению знаний, а Данте создал произведе-

ния, составившие основу просвещенного христианского гуманизма и оказавшие положительное влияние на развитие итальянского разговорного языка. В то же время были основаны университеты в Париже и Болонье, Падуе и Неаполе, Оксфорде и Кембридже, Салониках и Вальядолиде, Монпелье и Тулузе. Тогда же Джотто освободил живопись от мертвенной традиции византийской иконописи и развил в ней драматизм композиции, а Роджер Бэкон основал опытную науку.

Однако наряду с учением святого Франциска, проповедовавшего евангельское смирение, расцветала Святейшая инквизиция, а альбигойский крестовый поход, поднятый во имя торжества веры, привел к полному разорению юга Франции, в то время как в других районах страны возводились соборы и росло производство.

Успехи тех лет были добыты не рабским трудом. Хотя крепостное право в то время имело место, оно было достаточно ограниченным, а обязанности и права крепостных вытекали из традиционных обычаев и средневековое общество развивалось за счет усилий людей, его составлявших.

После кончины Томаса феодальное владение, принадлежавшее де Куси, в течение шестидесяти лет обходилось без потрясений благодаря рассудительности Ангеррана II и Рауля I, сына и внука Томаса, которые уживались с королем Франции. Каждый из них участвовал в крестовых походах XII столетия, и оба погибли на Святой земле. Вероятно испытывая материальные затруднения, возникшие из-за расходов на военные экспедиции, вдова Рауля в 1197 году уступила Куси-ле-Шато местной общине за сто сорок ливров.

Подобный демократизм, представлявший, по мнению некоторых историков XIX столетия, ступень стабильного продвижения к свободе и демократии, на мой взгляд, таковым не был; действия вдовы Рауля логично вытекали из пристрастия тогдашней знати к воинским забавам. Отправлявшийся в поход крестоносец был обязан снабдить свою свиту лошадьми, оружием и доспехами, обходившимися в круглую сумму. Если он выживал в походе, то обычно возвращался домой более неимущим, чем уезжал, поскольку ни один крестовый поход, кроме первого, не был ни триумфальным, ни прибыльным. Единственный выход поправить свои дела – так как продажа земли считалась немыслимой – заключался в переуступке общине части своих привилегий или в замене денежной рентой обязательств и труда крепостных. В набиравшей рост экономике XII и XIII столетий доходы от торговли и сельскохозяйственных переизбытков позволяли горожанам и крестьянам покупать себе права и свободы.

Ангерран III, получивший прозвище Великий, унаследовал чрезмерные замашки и притязания своего прадеда Томаса. Будучи хозяином феодального поместья Куси с 1191 по 1242 год, он не только перестроил замок вместе с донжоном, но и возвел замки, окружив их крепостными стенами, в шести других своих феодальных поместьях, включая имение в Сен-Гобене. Ангерран III принял участие в сопровождавшемся резней альбигойском походе, а затем выступил против реймской епархии, совершая всевозможные беззакония. Его обвиняли в опустошении земель, принадлежавших епархии, захвате деревень, грабежах, незаконной вырубке леса и прочих бесчинствах. Ангерран даже посягнул на епархиальный собор. Ворвавшись в помещение силой, он заковал в кандалы его настоятеля.

В 1216 году реймский архиепископ пожаловался папе римскому на беззаконие и самодурство Ангеррана III. Злодея отлучили от церкви, предав анафеме, а всем приходам реймской епархии предписали прекращать церковную службу при появлении Ангеррана.

Человеку, преданному анафеме, грозило «посмертное выдворение» в ад, если он не избавлялся от пороков и прегрешений и не получал отпущения грехов. В большинстве случаев снять анафему мог лишь епископ, а в исключительных случаях – папа. Пока анафема была в силе, священник соответствующего прихода два-три раза в году во имя Отца, Сына, Святого Духа, Пресвятой девы Марии, всех апостолов и святых был обязан во время службы прокли-

нать преданного анафеме, при этом крест и служебники клались на пол, свечи тушились, а саму службу в этой ее осуждающей части сопровождал похоронный звон. Разумеется, такое отступление от традиционной церковной службы прихожанам не нравилось, и они при случае бросали камни в дом преданного анафеме, старались не иметь с ним дел или принимали другие меры, чтобы привести его к покаянию. Оказавшись в подобном нервном и затруднительном положении, Ангерран III покаялся, и после того как он выполнил все обязанности, наложенные на него епитимьей, ему отпустили грехи. Но это не уменьшило его мирские амбиции, и он начал строить огромный замок, превосходивший своими размерами и величием королевский дворец.

Ангерран возводил замок с перспективой борьбы с монархом. Во времена малолетства Людовика IX, вошедшего в историю как Людовик Святой, Ангерран встал во главе баронов, находившихся в оппозиции к королю, а по некоторым свидетельствам, сам стремился взойти на трон. Он унаследовал королевскую кровь от своей матери Алисы де Дре, потомка Филиппа I. Его донжон, превосходивший высотой башню Лувра, считался вызовом королю.

Центральная власть во Франции при регентстве матери малолетнего короля была достаточно прочной, но сир де Куси представлял собой силу, с которой следовало считаться. Он рассчитывал на собственное состояние и связи с влиятельными людьми. Этими связями он обзавелся с помощью своих жен. Его первая и третья жены происходили из знатных пикардийских семей, и владения Ангеррана III в Пикардии расширились. Его вторая жена Маго Саксонская была дочерью Генриха Льва, саксонского герцога, и внучкой английского короля Генриха II и Элеоноры Аквитанской, племянницей Ричарда Львиное Сердце и сестрой Оттона Саксонского, будущего императора Священной Римской империи. Дочь Ангеррана III вышла замуж за Александра II, короля Шотландии.

На строительстве замка работали около восьмисот каменщиков, использовалось значительное число повозок, запряженных волами, для доставки камней из каменоломен на холм, а также трудились, опять-таки, около восьмисот других мастеровых: кузнецов, плотников, кровельщиков, живописцев, граверов по дереву. Над дверьми донжона красовался барельеф невооруженного рыцаря, схватившегося со львом, – символ рыцарской доблести. Стены как самого замка, так и донжона были декорированы гирляндами фантастических листьев, размером соответствовавших грандиозности всей постройки. В каждой части замка были выложены каминны – изобретение XI столетия, значительно улучшившее условия проживания. Теперь жильцы замка могли чаще уединяться в личных апартаментах, а не проводить свободное время в нагретом большом зале.

В углу второго этажа замка помещалась небольшая комната, тоже с камином, вероятно служившая будуаром госпожи де Куси. Из большого окна этой комнаты открывался великолепный вид на окрестности: долину реки Эйле, разбросанные там и сям деревушки с колокольнями, выступавшими над окаймлявшими их деревьями, дорогу, взбирающуюся на холм. Другие комнаты, в которых жили сеньор и его семья, находились в иной части замка, надежно укрытой от посягательств извне.

В 1206 году Амьену, общине и процветающему главному городу Пикардии, достался фрагмент головы Иоанна Крестителя. Для хранения и поклонения этой реликвии амьенцы решили построить самую высокую церковь в мире. Собрали деньги, и в 1220 году грандиозный собор был построен. К тому же времени Ангерран III возвел рядом с донжоном величественную часовню, превышавшую высотой Сен-Шапель, воздвигнутую в Париже Людовиком IX Святым спустя несколько лет. С покрытыми золотом куполами, декорированная резьбой, часовня особенно поражала своими цветными оконными стеклами. Эти витражи были настолько красивы, что в XIV столетии страстный коллекционер герцог Жан Беррийский попытался купить их за двенадцать тысяч золотых экю.

Ангерран III являлся сеньором Сен-Гобена, Ассиза, Марля, Ла Фера, Фоламбре, Монми-рея, Уази, Кревекера, Ла Ферте-Околь, Ла Ферте-Гоше. Он был также виконтом де Мо и кастеляном де Камбре. Еще в 1095 году король восстановил, отобрав у церкви, главенство над фео-дом Куси, и теперь сеньор этого лена платил вассальную дань одному королю. В XII–XIII веках сеньоры Куси, подобно епископу Лана, чеканили собственные монеты. Судя по числу рыцарей, которых вассалы короля по требованию ему предоставляли, де Куси стоял следом за наиболее богатыми французскими феодалами. Согласно данным 1216 года, де Куси был обязан предо-ставить при необходимости королю 30 рыцарей, герцог Анжуйский – 34, герцог Бретонский – 36, а граф Фландрский – 47 рыцарей.

В 1242 году Ангерран III погиб в возрасте около шестидесяти лет в результате несчаст-ного случая. Он упал с лошади, пронзив мечом собственное тело. Ему наследовал его старший сын Рауль II, но и он вскоре погиб в Египте во время неудачного крестового похода 1248–1250 годов, предпринятого Людовиком IX Святым. Ему наследовал его брат Ангерран IV, напоми-навший своим деспотическим произволом римского императора Калигулу.

Однажды слуги Ангеррана IV застали за охотой в его лесу трех молодых дворян из Лана. Они охотились без собак и были вооружены только луками. Несмотря на ничтожность про-ступка, Ангерран повелел их повесить. Но это беззаконие ему с рук не сошло, ибо Людовик IX отличался не только набожностью, но и стремлением чтить законы. Ангеррана арестовали, но не пэры, а судебные приставы – как обыкновенного преступника. Сеньора поместили в двор-цовую тюрьму, но, правда, из уважения к его рангу, не заключили в кандалы.

В 1256 году Ангеррана судили, хотя несколько влиятельных пэров – среди них были король Наваррский, герцог Бургундский, графы Бар и Суассон – пытались за него заступиться, втайне заботясь и о собственных привилегиях. Сам Ангерран IV с высокомерием заявил, что судебное разбирательство ниже его достоинства, и потребовал, чтобы ему дали возможность защитить свою честь в поединке. Людовик IX решительно отказал, сославшись на то, что подобный поединок невозможен, ибо окажись на месте знатного Ангеррана «бедняк, священ-ник или иное лицо, к которому должно иметь сострадание», люди такого рода лишены шанса защитить свою честь оружием. Правда, бывали случаи, когда незнатные люди нанимали нуж-ного человека, бравшегося защитить их честь и достоинство, но Людовик IX рассудительно считал, что такую практику следует прекратить. Преодолев энергичное сопротивление пэров, король приказал отдать де Куси под суд. Ангеррана IV признали виновным, но, несмотря на стремление короля предать сеньора смертной казни, его всего-навсего обязали выплатить штраф в размере 12 000 ливров. Половину этих денежных средств следовало передать церкви на молитвы за упокой души убиенных Ангерраном людей, а другую часть послать защитникам христианской веры в Святой земле. Эта история послужила в пользу Людовика, когда решался вопрос о причислении его к лику святых.

Ангерран IV завоевал расположение короля в 1265 году, когда ссудил ему пятнадцать тысяч ливров на покупку креста, на котором, как полагали, распяли Иисуса Христа. Тем не менее он продолжал бесчинствовать, грубо нарушая законы, и умер в 1311 году в возрасте семидесяти пяти лет, не оставив потомства.

Ангерран IV завещал местному лепрозорию ежегодную ренту в размере двадцати су (что равнялось одному ливру) с тем, чтобы его обитатели «ежегодно отмаливали наши грехи». В те времена двадцать су равнялись дневному содержанию одного рыцаря или четырех лучников, или плате за наем повозки, запряженной двумя лошадьми, сроком на двадцать дней, или содер-жанию батрака в течение двух лет. Поэтому можно предположить, что грехи Ангеррана IV отмаливали многие, хотя, вероятно, и этого числа не хватало, чтобы спасти его душу.

После смерти Ангеррана IV династию де Куси продолжили потомки его сестры Алисы, вышедшей замуж за графа де Гина. Ее старший сын наследовал графский титул и земли отца, а владельцем феодального поместья Куси стал ее второй сын Ангерран V. Воспитанный

при дворе шотландского короля Александра, он женился на его племяннице Кэтрин Линдсей Балиоль. Ангеррану V наследовали его сын Гильом, а затем внук Ангерран VI, вступивший во владение феодалом в 1335 году. Через пять лет у него родился сын Ангерран VII, последний из де Куси, который и является героем нашего повествования.

Благодаря удачным женитьбам на представительницах могущественных семей Фландрии и Северной Франции, де Куси постоянно наращивали свое состояние и политическое влияние, приобретали новые земли, а с ними приобрели и новые геральдические отличия – гербы Буа-жанси, Эно, Дре, Саксонии, Монмирая, Руси, Балиоля, Понтье, Шатильона, Сен-Поля, Гельд्रे и Фландрии.

Де Куси добились столь высокого положения, что пользовались правами суверенных владетелей. Они располагали своим судом, а их двор состоял из тех же должностных лиц, что и двор короля. В число придворных входили коннетабль, дворецкий, конюший, лесничий, егерь, сокольничий, эконом, квартирмейстер (на случай дальних поездок). Кроме того, у сеньора такого ранга, как де Куси, имелись несколько врачей, а также священники, бродячие, менестрели, музыканты, художники, писцы, секретари, астролог, шут, карлик, пажи. Главный вассал, известный как кастелян или гар-дю-шато, управлял владением. Наконец, в распоряжении де Куси были пятьдесят рыцарей вместе со своими оруженосцами и многочисленный штат всевозможных слуг, способных носить оружие; таким образом, его постоянное войско состояло приблизительно из пятисот человек.

Сеньору, подобному де Куси, полагалось постоянно поддерживать свое высокое положение в обществе: иметь пышную свиту, устраивать охоты, пиры, рыцарские турниры, театральные представления, проявлять щедрость и не скупиться на собственные расходы, и люди, жившие на его милости, разумеется, полагали щедрость и расточительность наиболее привлекательными и неотъемлемыми чертами характера знатного человека.

Знатные люди обретали свой статус по праву рождения, но его следовало постоянно поддерживать силой оружия. Человек слыл благородным, если имел знатных родителей, знатных дедов и прадедов и так далее, до первого вооруженного всадника. И все же статус этот был довольно аморфным. Единственным необходимым критерием этого статуса являлась постоянная военная практика. Это была обязанность второго из трех учрежденных Богом сословий. Каждому сословию назначалось выполнять собственную задачу на благо всего людского сообщества: священникам надлежало молиться за всех, рыцарям – всех защищать, а простолюдинам – трудиться, обеспечивая всех пропитанием.

Священнослужители как ближайшие к Богу являлись первым сословием, делившимся на две иерархии: монахов и священников, выполнявших свои обязанности в миру. Во главе обеих иерархий стояли прелаты: аббаты, епископы и архиепископы. Но между прелатами и бедными малообразованными священниками общего было мало. Третье сословие было еще менее однородным. Наряду с предпринимателями, юристами и врачами, в него входили ремесленники, крестьяне, поденщики. Тем не менее знать не видела разницы между ними и стригла всех под одну гребенку. Некий дворянин, служивший при дворе герцога Бургундского, писал: «Не следует отличать купцов от ремесленников. И те и другие входят в одно сословие, которое не способно явить из своей среды достойных людей, ибо они являются собранием прислужников и батраков».

Теоретически, знатные люди овладевали боевыми искусствами не ради собственной пользы, а для защиты других сословий и поддержания справедливости и порядка. Полагалось, что благородные обязаны защищать угнетенных, бороться с тиранами и способствовать распространению добродетелей, то есть решать задачи, которые были не по силам невежественным крестьянам, как установили их современники по христианскому миру, если только не сам его основатель.

Считаясь защитниками народа, знатные люди были освобождены от прямых налогов, наподобие подушного или налога на очаг, и выплачивали лишь налог с оборота. Однако, пропорционально доходам, бедные платили больше богатых. Такое налоговое послабление для знатных людей объяснялось тем, что «во время войны они подвергают опасности свою жизнь и имущество», но на практике налогообложение было столь же изменчивым, как небо, покрытое облаками, в ветреный день. В частности, налогообложение священников являлось предметом бурных дискуссий, когда приходило время выделять деньги на защиту страны от внешней угрозы.

Средневековая налоговая система не имела ясных и устойчивых правил и была настолько отягчена всевозможными дополнениями, что правильно рассчитать сумму налога представлялось практически невозможным. Считалось, что король должен «жить на свои доходы», но в связи с тем, что их может не хватить для защиты страны и для других общегосударственных нужд, его подданные могут облагаться налогами, чтобы, как заметил Фома Аквинский, «обеспечить общее благо за счет общих вложений». Это положение исходило из правила: «знатные люди созданы Богом не для того, чтобы во всем искать выгоду, а с обратным предназначением – способствовать благу всего народа».

Люди благородного происхождения не расставались с оружием не только для освобождения от налогов, но и для самоутверждения. «Ни у одного из нас нет отца, который бы умер в своей постели, – писал некий рыцарь XIII столетия. – Все погибли на поле брани».

Знатный человек не мыслил себя без лошади, которая «поднимала» его над другими людьми. На многих языках (не только в английском) рыцарь (*chevalier* на французском) – то же, что всадник. Считалось, что «храбрый человек на хорошей лошади за час сражения может добиться большего, чем десять и даже сто пеших». Боевой конь должен быть «умным, сильным и быстрым, с нравом настоящего бойца». Во время военной службы рыцарь и лошадь полагались единым целым, без лошади рыцарь превращался в обыкновенного человека.

Битва являлась самозабвением рыцаря, приводила его в экстаз. «Если бы я стоял одной ногой в раю, – восклицал Гарен Лотарингский, герой средневековой поэмы, – я бы убрал ее и отправился биться».

Трубадур Бертран де Борн описал свое отношение к битве гораздо пространнее:

Мила мне радость вешних дней,
И свежих листьев, и цветов,
И в зелени густых ветвей
Звучанье чистых голосов, —
Там птиц ютится стая.
Милей – глазами по лугам
Считать шатры и здесь и там
И, схватки ожидая,
Скользить по рыцарским рядам
И по оседланным коням...

Лишь тот мне мил среди князей,
Кто в битву ринуться готов,
Чтобы пылкой доблестью своей
Бодрить сердца своих бойцов,
Доспехами бряцая.
Я ничего за тех не дам,
Чей меч в бездействии упрям,
Кто, в схватку попадая,

Так ран боится, что и сам
Не бьет по вражеским бойцам...

Мне пыл сражения милей
Вина и всех земных плодов.
Вот слышен клич: «Вперед! Смелей!»
И ржание, и стук подков.
Вот, кровью истекая,
Зовут своих: «На помощь! К нам!»
Боец и вождь в провалы ям
Летят, траву хватая.
С шипеньем кровь по головням
Бежит, подобная ручьям...¹

Данте описал, как Бертран, находясь в аду, несет перед собой свою голову, освещающую ему путь, как светильник.

Знатные люди, владевшие землей и имевшие постоянный доход, могли повелевать всеми людьми неблагородных кровей, за исключением священников и купцов, являвшихся гражданами свободного города. Сеньоры, обладавшие крупным поместьем и большим состоянием, могли вершить «высокое правосудие», дававшее право выносить смертные приговоры. Сеньоры с меньшим достатком могли вершить «низшее правосудие», исходя из которого могли заключить провинившегося в тюрьму, приказать его выпороть или наказать иным способом на свое усмотрение.

В то же время сеньор был обязан не оставлять своими милостями вассалов, защищать и патронировать их, что закреплялось его присягой, которая была связана с присягами вассалов сеньору, имевшими силу до того времени, пока сеньор соблюдал свою. Средневековая политическая структура представляла собой в идеале соглашение, согласно которому служба и преданность обменивались на защиту, порядок и справедливость. Как крестьянин обязывался служить сеньору, так и сеньор в свою очередь обязывался служить своему сюзерену, в мирное и в военное время. Феодалные присяги объединяли все стороны соглашения, включая и короля.

Не все феодалы были такими богатыми, как сеньоры из семьи де Куси. Бедный рыцарь, владелец небольшого поместья и жалкой костлявой лошаденки, хотя и разделял взгляды многоземельного феодала, жил скромными интересами. Во Франции насчитывалось около двухсот тысяч родовитых людей, составлявших от сорока до пятидесяти тысяч семей, или примерно один процент населения. Но и эти родовитые люди значительно различались между собой по достатку и положению в обществе. Одни, владельцы крупных поместий, имели большое число вассалов и годовой доход более десяти тысяч ливров. Другие, владельцы небольшого и часто ветхого замка, имели всего одного-двух вассалов, а их годовой доход не превышал пятисот ливров. Наконец, третьи, бедные рыцари, вассалов не имели вообще, а в их владении находился лишь дом с пахотным полем, что в целом можно было отождествить с хозяйством крестьянина. Годовой доход таких рыцарей составлял примерно двадцать пять ливров, на которые они жили вместе с семьей и слугами и обзаводились воинским снаряжением, которое и давало им средства к существованию. Такие рыцари жили за счет своего коня и оружия, дававших им возможность служить сеньору или любому другому, готовому оплатить их услуги.

Феодал, как родовитый, так и незнатный, носил рыцарские шпоры и пояс, но при этом нередко полагалось определить, чем он мог заниматься без потери своего высокого статуса. Мог ли он, например, продавать вино из собственного виноградника? – щекотливый вопрос,

¹ Перевод В. Дынный.

ибо даже король этим не гнушался. В 1393 году результатом рассмотрения подобного рода дела в суде стал королевский указ, в котором уклончиво говорилось: «Не надлежит благородному человеку держать постоянный двор». Однако при рассмотрении другого сходного дела суд вынес решение, по которому благородные люди могли получать лицензию на торговлю. На практике сыновья благородных родителей нередко «вели жизнь купцов, торгуя одеждой, зерном, вином и другими товарами, а некоторые и вовсе трудились в качестве скорняков, сапожников и портных», но такая деятельность лишала их привилегий именитых людей.

И все же занятия коммерцией и ремесленничеством в среде благородных людей находились фактически под запретом. В XIV веке церковник Оноре де Боне в своем трактате «Древо сражений» отмечал, что наличие такого запрета «лишает рыцаря основания пренебрегать военной службой ради обогащения». Знатные люди были обеспокоены не только потерей рыцарей, уходивших в коммерцию, но и «разбавлением» своей высокородной среды людьми из народа. Корона за хорошую плату стала предоставлять не просто хартии вольностей городам, но и поместья простолюдинам.

Кроме того, простолюдины освоили юридические и финансово-экономические профессии и стали помогать королю вести государственные дела, занимаясь финансами и юстицией, и в итоге составили группу профессиональных государственных служащих и даже министров. Знать, как правило, выдвигавшая из своей среды советников короля, считала таких людей узурпаторами прав благородных и презрительно называла их парвеню (то есть выскочками).

В результате геральдические гербы, знаки родovitости и права носить оружие, стали объектами особого почитания, чуть ли не культом. На рыцарских турнирах каждый участник был обязан подтвердить свою знатность фамильным гербом, а иногда – четырьмя гербами. В середине XV столетия во время одного из турниров один из рыцарей разместил у своего шатра на ристалище тридцать два герба.

Отсутствие наследника, переход в другое сословие и появление среди феодалов ранее неблагородных людей приводило к тому, что состав второго сословия постоянно менялся. Снижение количества знатных семей достигало пятидесяти процентов за век. Снижалась и средняя продолжительность существования родовитых фамилий. Примером такой деградации может служить история семьи бедного рыцаря Ключезля, владевшего в конце XIII столетия небольшим поместьем в долине Луары. Зарабатывать на жизнь оружием он возможности не имел и потому, в связи с нехваткой рабочих рук, был вынужден сам принимать участие в обработке своих полей и работать на мельнице. Из трех его внуков один стал оруженосцем, другой – священником, а третий – сборщиком податей, нанявшись на эту работу к одному из сеньоров. В результате семья Ключезля вышла из состава второго сословия.

До нас дошли также сведения о Гишаре Вере, рыцаре, умершем молодым в 1287 году. Его семья едва сводила концы с концами. После себя Вер оставил незатейливое имущество: две кровати, четыре простыни, три одеяла, два коврика, стол, три скамьи, пять сундуков, пять пустых бочек, шахматную доску, шлем и копье. Его семье оставалось жить на небольшой годовой доход с маленького поместья и искать деньги на заупокойные мессы.

Подобные семьи, мало чем отличавшиеся от семей простолюдинов, старались не терять связей с богатым сеньором. У молодых людей из таких семей были две возможности преуспеть в жизни: наняться оруженосцем к сеньору или стать священнослужителем, чтобы поправить свое материальное положение одним из многочисленных способов, которыми пользовались церковники.

Чтобы снова подняться вверх и занять прежнее положение в обществе, обедневшему рыцарю следовало пройти путь предприимчивого хозяйственного крестьянина. Такой крестьянин, унаследовавший или купивший себе свободу, мог стать в конце концов феодалом. Для этого ему следовало расширить свои сельскохозяйственные владения, обзавестись арендаторами, возложить на слуг все работы, приобрести у сеньора или церкви феодал, научиться владеть

оружием, выдать дочь замуж за бедного рыцаря и наконец приобщиться к людям нового для него круга.

Больше возможностей стать богатым было у управляющего имением знатного человека. Если такой управляющий преуспевал в своей должности, его нередко награждали феодами с вассалами. Он начинал одеваться как благородный человек, носить меч, содержать охотничьих собак и ловчих птиц и ездить на лошади, вооруженный щитом и копьем.

Однако ничто более не возмущало знатных людей, как подражание им в одежде и в поведении всякого рода выскочек. Великолепные одежды считались прерогативой высородных, которых, как они полагали, следовало узнавать по костюму, недозволенному другим. С целью предотвратить «возмутительную и порочную практику одеваться не по достоинству» были даже приняты соответствующие законы, которые устанавливали, какую одежду должно носить людям, исходя из их ранга и положения в обществе.

Согласно таким законам, для каждого ранга касательно одежды устанавливались определенного вида ткани, цвет, отделка и украшения. К примеру, крестьяне были обязаны одеваться только в коричневое и черное, а горожанам запрещалось иметь одежду с горностаевым мехом. Врачам и чиновникам разрешалось носить одежду из флорентийской шерстяной ткани, а женам купцов запрещалось надевать многоцветные, клетчатые и полосатые платья, а также одежду, отделанную серебром или золотом.

Во Франции поместные сеньоры и их жены с годовым доходом 6000 ливров и более могли в течение года заказать четыре новых костюма, а рыцари с доходом 3000 ливров – три костюма в году. Юноши обходились одним костюмом в году, да и девушки тоже, если не имели годового дохода в 2000 ливров. В Англии, согласно аналогичному закону 1363 года, купец с доходом в 1000 фунтов имел право носить такую же одежду, как рыцарь с доходом в 500 фунтов. Превышающий в два раза достаток, видно, уравнивал в этом случае знатность происхождения.

Делались также попытки регламентировать и некоторые другие бытовые вопросы. Так, пытались определить, сколько блюд следует подавать на обед, что должно составлять приданое, сколько менестрелей требуется на свадьбу. Полагалось, что проститутки должны помечать одежду особыми знаками или носить ее наизнанку.

В те времена слуги порой старались подражать господам: носили остроносые туфли и одежду с длинными, свисающими с рук рукавами. Господа такие попытки слуг походить на себя одеждой явно не одобряли, но не по причине того, что слуга, прислуживающий им за столом, мог попасть в суп рукавом, а единственно потому, что осмелились им подражать. «Среди людей из народа стали распространяться тщеславие и напыщенность, – писал английский хронист Генри Найтон. – Они стараются превзойти друг друга изысканностью одежды, так что порой затруднительно отличить бедного от богатого, слугу от господина».

Также было замечено, что богатые простолюдины сорят деньгами, и это вызывало недовольство благородных, ибо деньги текли в основном не им, а купцам. Такое же недовольство проявляла и церковь, считавшая, что у нее отнимают деньги, и потому она осуждала роскошь и расточительство – «безнравственные и губительные явления для благонравия и истинной праведности». В целом, законы, касавшиеся расходов, являлись способом обуздания чрезмерного потребления и установления бережливости, что, как считалось, послужит накоплению денег у населения с тем, чтобы их получил король при первой необходимости. Никто даже не думал о пользе быстрого обращения денежных средств и товаров для развития экономики.

Однако законы, касавшиеся расходов, оказались непостоянными. Когда флорентийские официальные лица проверяли гардеробы жителей города, то у одной из них обнаружили три нарядных выходных платья: одно из муара, расшитого виноградными гроздьями, другое с вышивкой из белых и алых роз на бледно-янтарном фоне и наконец платье из голубой ткани, отороченное красной материей, расшитое белыми лилиями, красными звездами, кольцами и

украшенное белыми и желтыми полосками. Все это говорило о полном пренебрежении владелицы этого гардероба установлениями властей.

Когда Генри Найтон писал, что «порой затруднительно отличить бедного от богатого, а слугу от господина», он, вероятно, имел в виду не очень богатых господ, потому что многопоместных сеньоров, владельцев больших благоустроенных замков, спутать с другими людьми было поистине невозможно. Эти сеньоры щеголяли в украшенных золотом сюркотах, носили подбитые горностаем бархатные плащи и блестящие, разнообразной окраски, с цветной подкладкой блузы, декорированные фамильным гербом, девизом или инициалами дамы сердца; подпоясывались украшенными брелоками поясами, на руках, унизанных кольцами, носили замшевые перчатки, а обувью им служили долгоносые туфли из красной кожи, привезенные из Кордовы; наконец, их головные уборы являли собой завидное разнообразие – от широкополых шляп до шотландских боннетов.

Подражать сеньорам никто не мог.

В начале XIV столетия Франция была наиболее процветающей и сильной страной в Европе. Ее превосходство в военной силе, образовании и приверженности христианству считалось само собой разумеющимся. Король Франции как традиционный защитник церкви полагался «христианнейшим королем в мире». Население королевства считало себя избранными Богом людьми, с помощью которых Он осуществляет Свои деяния на земле. Историограф первого крестового похода так и назвал свое сочинение: «*Gesta Dei per Francos*» – «Деяния Бога силами франков». В 1297 году, чуть более четверти века спустя после его кончины, французский король Людовик IX, принимавший участие в двух крестовых походах, был причислен к лику святых.

«Слава французских рыцарей распространилась по всему миру», – писал в XII веке хронист Гиральд Камбрийский. Во Францию ко дворам принцев изучать хорошие манеры приезжали неотесанные немецкие знатные господа, а рыцари и суверены со всей Европы прибывали ко двору французского короля, чтобы получить удовольствие от турниров, праздников и любовных интриг. Король Богемии Иоанн Слепой полагал двор французского короля выше всех остальных, включая и собственный, и говорил, что «эта королевская резиденция – наилучшее место пребывания в мире». А прославленный испанский рыцарь дон Перо Ниньо отмечал, что «французы великодушные люди, щедрые на подарки. Они с почтением относятся к иноземцам, ценят доблесть и мужество, а сами любезны и вежливы в разговоре, падки на удовольствия и очень любвеобильны».

В результате норманнского завоевания Англии и крестовых походов французский язык сделался разговорным среди именитых людей Англии, Фландрии и Неаполитанского королевства. Французским стали пользоваться как деловым языком фламандские феодалы, юристы Иерусалимского королевства, иноземные ученые и поэты. Марко Поло написал свои «Путешествия» на французском, святой Франциск исполнял французские песни, иноземные трубадуры строили свои приключенческие повествования, подражая французским героическим «жестам» (*chansons de geste*). Когда венецианский хронист перевел хроники своего города на французский, а не на итальянский язык, он пояснил, что поступил так потому, что «французский распространен во всем мире, а говорить и читать на нем гораздо приятнее, чем на других языках».

Французы добились успехов в архитектуре, и даже готический стиль, проявившийся в строительстве кафедральных соборов, первоначально оформился в Северо-Западной Франции. Французского архитектора пригласили проектировать Лондонский мост. В Венеции стали пользоваться устойчивым спросом куклы, одетые по последней французской моде, а французские изделия из слоновой кости с изысканной гравировкой проникли даже за пределы христианского мира.

Парижский университет считался лучшим в Европе. В XIV столетии в нем осваивали науки более пятисот студентов из разных стран. В XIII веке в этом образовательном центре преподавали крупнейшие представители средневековой схоластики: Фома Аквинский из Италии, Альберт Великий из Германии и шотландец Дунс Скот, а в XIV столетии два великих мыслителя – Марсилий Падуанский и францисканский монах Уильям Оккам. Благодаря университетским заслугам Париж нарекли «новыми Афинами» и говорили, что богиня мудрости, оставив Грецию, а после нее и Рим, обосновалась в Париже.

Основанный в 1200 году, Парижский университет пользовался особыми правами и привилегиями. Освобожденный от государственного контроля, университет постоянно конфликтовал с епископами и папами. «Эти парижские умники полагают, что миром следует управлять согласно их представлениям, – возмущался папский легат Бенедикт Гаэтани (будущий папа Бонифаций VIII). – Но на самом деле управление миром вверено нам, а не университетским наставникам». Однако университет полагал себя таким же авторитетом в области теологии, как и папа, и таким же «светочем разума», каковым считался наместник апостола Петра.

В 1335 году поместье Куси благоденствовало, как и в прежние времена. Плодородные земли, богатые лесами, полями и виноградниками, омывавшиеся Эйле, звались «золотой долиной». Влесу, занимавшем 7000 акров, произрастали дубы, буки, ясени, сосны, березы, осины, ивы, ольха, дикие вишни. В лесу водились в большом количестве олени, кабаны, волки и пернатая дичь, что делало его охотничьим раем, который дополняли изобиловавшие рыбой Эйле и многочисленные ручьи.

Налоги, рентные платежи и разнообразные пошлыны, взимавшиеся за пользование мостами, общественными мельницами, виноградными давяльными прессами и овинами, приносили владельцам поместья от пяти до шести тысяч ливров годового дохода.

Перед воротами замка возвышалась каменная платформа, опиравшаяся на трех каменных львов: один пожирал ребенка, другой – собаку, а третий, находившийся между ними, пребывал в задумчивом созерцании. На платформе находился четвертый лев, застывший в надменном высокомерии. Три раза в году – на Пасху, в Троицын день, а также на Рождество – к воротам замка приезжал представитель аббатства Ножан-су-Куси: вносить подать за землю, в свое время переданную монахам прежним хозяином Обри де Куси. Церемония сопровождалась годами сложившимся ритуалом, точный смысл которого до нашего времени не дошел.

Сидя верхом на пегой, запряженной в плуг лошади с подрезанным хвостом и ушами, представитель аббатства держал в руках хлыст, торбу с зерном и корзину со ста двадцатью серповидными пирожками с телятиной. За ним следовала собака, также с подрезанными хвостом и ушами и с пирожком, прикрепленным к шее. Подъехав к воротам замка, посланец аббатства трижды вращал перед ними крестом, щелкая при этом бичом. Затем он спешивался, преклонял колени перед платформой, потом всходил на нее, целовал льва и вносил подать за пользование монастырскими землями в виде привезенных с собой пирожков, добавляя к ним двенадцать ломтей хлеба и три меха с вином. Сир де Куси забирал себе треть подношения, остальное раздавал своим присным и городским магистратам и наконец скреплял документ о внесении подати печатью, изображавшей аббата с козлиными ногами.

Таким было одно из проявлений средневекового общества, впитавшего в себя язычество, варварство, феодальные отношения, христианство и зародыши новой многослойной цивилизации Запада.

Глава 2. Век несчастий

Когда родился последний из де Куси, его поместье все еще процветало, но в Европе уже начались процессы, положившие начало несчастьям, захлестнувшим XIV столетие. Сначала установились стойкие холода, и Балтийское море дважды – в 1303 и 1306 годах – неожиданно замерзало, покрывшись льдом. Последующие годы отметились новыми холодами, а еще ураганами, проливными дождями и повышением уровня Каспийского моря. Людям XIV столетия было неведомо, что настал Малый ледниковый период, приведший в движение полярные и альпийские ледники и утвердившийся вместе с ними на континенте до 1700 года. Также они не знали, что вместе с изменением климата постепенно утратятся контакты с Гренландией, находящиеся там поселения обезлюдеют, и что в Исландии прекратится, а в Скандинавии намного уменьшится сев зерновых. Но последствия установившихся холодов европейцы хорошо ощущали: сократился вегетационный период, а с ним снизился урожай, что не могло не сказаться на удовлетворении спроса продуктов питания.

В XIII веке население увеличилось, и спрос продовольствия уравнился с предложением, достигшим предела. Дальнейшее увеличение производства требовало освоения новых земель и создания новых ирригационных систем. Доставка продовольствия потребителям, прежде всего зерна, осуществлялась главным образом по воде. Города, удаленные от водных артерий, пользовались своими ресурсами, а когда те истощались, население голодало. В 1315 году в результате затяжных проливных дождей, сравнимых, верно, с библейским Потопом, урожай зерновых уменьшился во всех европейских странах, и голод – темный всадник Апокалипсиса – превратился в реальность. До нас дошли сведения, что кое-где люди ели своих детей, а в Польше съедали преступников после казни через повешение. В некоторые годы случались вспышки дизентерии, да и голодные годы, пусть и не повсеместно, периодически повторялись.

Но не только изменение климата привело к ополчившимся на XIV столетие бедствиям и напастям, ситуацию ухудшили сами люди. Уже в первые двадцать лет этого многострадального века один за другим последовали четыре злополучных события: гонения на римского папу королем Франции, Авиньонское пленение пап, преследование находившихся во Франции тамплиеров и крестьянское восстание «пастушков».

Наиболее пагубными стали нападки, которым подвергся со стороны французского короля Филиппа IV, прозванного Красивым, папа Бонифаций VIII. Все началось с того, что еще в конце XIII столетия король, желавший пополнить государственную казну, обложил налогом доходы церковников, не удосужившись известить об этом папу римского. В ответ Бонифаций VIII в 1296 году издал буллу *«Clericos Laicos»*, запрещающую священнослужителям платить какие-либо налоги. Он замечал, что прелаты стали раздумывать, не переметнуться ли им на сторону короля, и в этом видел угрозу папскому праву считать себя заместителем Христа на земле.

Несмотря на откровенную враждебность Филиппа Красивого, Бонифаций в 1302 году издал еще одну буллу, *«Unam Sanctam»*, в которой подчеркивал папское верховенство: «Путь к спасению всякого человека заключается лишь в одном: быть подвластным папе римскому». Тогда Филипп решил отдать папу под суд и обвинил его в ереси, богохульстве, симонии и колдовстве (включая общение с домашним демоном, принимающим обличья животных). В то же время Бонифаций готовил новую буллу, отлучавшую Филиппа от церкви. Но 7 сентября 1303 года агенты короля вместе с настроенными против папы римского итальянскими чиновниками схватили восьмидесятишестилетнего Бонифация в летней резиденции в Ананьи вблизи Рима, чтобы доставить его во Францию и передать судебным властям. Через три дня Бонифация освободили жители Ананьи, но от сильного душевного потрясения папа вскоре скончался.

Под давлением Филиппа Красивого новым папой был избран под именем Климент V француз. Однако он не отправился в Рим, чтобы там взойти на папский престол, ибо боялся мести итальянцев за унижение Бонифация, хотя те называли другую причину нежелания нового папы водвориться, как и прежние папы, в Риме: Климент V не хотел оставлять свою возлюбленную, французенку графиню де Перигор, дочь графа де Фуа. В 1309 году он обосновался в Провансе в городе Авиньон вблизи устья Роны. Авиньон находился в сфере французского политического влияния, хотя формально Прованс входил в состав Неаполитанского королевства. С этого времени началось Авиньонское – или, как еще говорят, вавилонское – пленение пап, шести сменявших друг друга на папском престоле французов.

Потерпев поражение в борьбе с возвышавшейся во Франции королевской властью, папы стали служить политическим орудием французских монархов, но в то же время они пытались сохранить свой престиж и сосредоточили деятельность на финансовых операциях, стараясь извлечь доход из всех статей управления религиозным сообществом.

Мало того, что папство получало церковные десятины, отчисления-аннаты и налоги с папских поместий, фьефов; теперь каждая церковная должность, всякое предоставление привилегий, каждая индульгенция, словом, все – от кардинальской шапки до памятки пилигриму – шло на продажу. Кроме того, папство начало прибирать к рукам часть добровольных пожертвований и посмертных приношений ушедших в мир иной верующих, собирать «лепту святого Петра» с христианских стран и брать специальный налог с участников крестовых походов, хотя религиозный характер последних уже превратился в условность.

Наибольшие доходы приносила торговля церковными должностями, а таковых было немало: около семисот (по числу епархий) епископских должностей и бессчетное количество менее значимых. Папы все больше и больше приберегали бенефиции для продажи, разрушая выборный принцип. Если выборы, положим, епископа, все-таки проводились, папство брало деньги за утверждение новоизбранного. Чтобы получить бенефицию, епископ или аббат давал курии взятку, а затем в течение первого года службы расставался с примерно третью своих доходов и знал, что, когда умрет, его собственность отойдет ненасытному папе.

Угроза анафемы, наиболее жесткого наказания, накладываемого церковью за ересь и тяжкие преступления – «наказанием этим человек отвращается от истинной веры и попадает под власть Сатаны», – стала использоваться для вымогательства денег. Использовала церковь и другие пути пополнить свои доходы. Так, однажды скончавшегося епископа не хоронили по христианскому обычаю до тех пор, пока наследники не оплатили его долги, что сопровождалось смутой в епархии, ибо верующие увидели, что их епископ лежит непогребенным, не отпечтанный и лишенный упования на спасение.

За деньги можно было узаконить незаконнорожденных детей², расчленив труп для захоронения в разных местах, вступить в брак с родственником (при этом устанавливалась денежная шкала, зависевшая от степени родства новобрачных), получить разрешение на торговлю с магометанами, а новообращенный еврей мог посетить своих родителей-иудеев. Пользователи подобных услуг платили итальянским банкирам, но деньги в конечном счете оседали в папском дворце. По свидетельству Альваро Пелайо, представителя Испании в папской курии, он не раз наблюдал, как в папском дворце священники «со сладострастием считают деньги, лежащие горами перед ними».

Особенно большие деньги папство взимало при назначении на должность с явными нарушениями. Так, папство закрывало глаза на то, что назначенец не достиг необходимого двадцатипятилетнего возраста, не был посвящен в сан и не сдал экзамен на грамотность. Однажды в Богемии в начале XIV столетия семилетнему мальчику предоставили церковный приход с

² В 1342–1343 годах были признаны законными 614 незаконнорожденных детей, при этом 484 из них составляли дети священников.

годовым доходом в двадцать пять гульденов. Другому лицу дали подняться по иерархической лестнице, переступив через две ступени. Младшие сыновья знатных людей нередко становились архиепископами в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет. Сроки пребывания в должности предоставлялись короткие, чтобы человек перед вступлением в новую, более высокую должность вновь раскошеливался.

Продажа должностей приводила к тому, что зачастую священниками становились невежественные, а то и просто глупые люди. К примеру, епископ Дарема в 1318 году при своем посвящении в сан не смог понять и прочитать на латыни слово «загадка» (*aenigmate*) и в конце концов буркнул на родном языке: «Пусть это слово понимается, как звучит». В другой раз во время службы он не смог выговорить слово «цивилизованный» (*metropolitanus*) и в сердцах произнес: «Клянусь святым Людовиком, это слово придумал неотесанный человек!». Неподготовленные священники приводили паству в уныние, ибо считалось, что служители церкви – посредники между людьми и Богом. Хронист Генри Херефордский отмечал, что у курии можно купить всякую должность, и с возмущением восклицал: «Взгляните беспристрастно на наших священников, и тогда вы содрогнетесь от ужаса!».

Практика продажи должностей и услуг приводила к выхолащиванию религиозных установлений. Теоретически искупление за грехи можно было заслужить лишь паломничеством, но грешнику не было особой нужды отправляться в Иерусалим или Рим, если он был в состоянии купить себе индульгенцию.

Сами же папы, по словам Петрарки, «потомки бедных рыбаков Галилеи, утопали в золоте и пурпуре». Иоанн XXII, папа с хваткой Мидаса, пребывавший у власти с 1316 по 1334 год, выписал из Дамаска для своего гардероба сорок отрезков лучшей парчи, заплатив за покупку 1276 золотых флоринов, и потратил еще большую сумму на меховые изделия, включая горностаевую подушку. Экипировка его приближенных обходилась в семь-восемь тысяч флоринов в год.

Бенедикт XII и Климент VI, последовательно взошедшие на папский престол следом за Иоанном, построили на высоком берегу Роны огромный, но неудачно спроектированный дворец – пирамидальное нагромождение крыш и башен, обнесенное двенадцатифутовыми зубчатыми стенами, что придавало ему некое сходство с замком.

Ворота дворца выходили на площадь, на которой в определенное время неизменно собиралась толпа, чтобы полюбоваться на появление папы, который выезжал из ворот на ухоженном белом муле в сопровождении кардиналов, «роскошно одетых, высокомерных и алчных», как определил их сущность Петрарка. В коридорах дворца сновали легаты, отправлявшиеся выполнять различные поручения или возвратившиеся после выполнения миссии, а также многочисленные местные служащие. В приемной толпились просители, а во дворе – пилигримы, надеявшиеся на благословение папы. В залах дворца прохаживались пышно одетые приближенные к папе люди – мужчины и женщины – в сопровождении рыцарей, оруженосцев и слуг. Прислуга дворца состояла из примерно четырехсот человек, и все они – капелланы, камергеры, привратники, стражники, виночерпии и прочие – имели здесь и стол, и дом, и сносное жалование.

Изразцовые полы замка были декорированы рисунками фантастических животных, цветов и гербов. Климент VI, поклонник всего прекрасного, имевший в своем гардеробе тысячу восемьдесят горностаевых шкур, пригласил Маттео Джованетти и живописцев из школы Симона Мартини расписать стены дворца картинами на библейские темы. Исключение он сделал для своего кабинета, на стенах которого красовались сцены соколиной охоты, травля оленя, фруктовый сад и живописный пруд с группой купальщиков – то ли женщин, то ли детей (восприятие зависело от моральных устоев созерцателя сцены).

Гости папы пировали в роскошном зале, украшенном фламандскими гобеленами и шелковыми шпалерами. На столах царствовала золотая и серебряная посуда. Эти приемы своей

помпезностью превосходили празднества при королевском дворе. Всорочовых годах XIV столетия Петрарка писал:

«Я живу в западном Вавилоне, где прелаты проводят время за пиршественными столами, гарцуют на белоснежных породистых скакунах, убранных золотом, которых, верно, не преминут подковать золотыми подковами, если только Господь не осудит эту вопиющую роскошь».

Петрарка считал Авиньон «отвратительным городом», изъеденным всемогущей коррупцией и утопающим в грязи и смраде. Город, наводненный посланниками, купцами, ремесленниками, астрологами, паломниками, ворами и проститутками, не справлялся, в отличие от двора, с удалением нечистот. Во дворце два нижних этажа одной из многочисленных башен были отведены под уборные, снабженные канализационной системой, что использовала кухонный водосток и воды подземных ручьев, к ней подведенных. Город же задыхался от нечистот, что отмечал посланник Арагона при папском дворе. По этой же причине Петрарка перебрался в близлежащий Воклюз.

И все же Авиньон, более доступный, чем Рим, привлекал визитеров со всей Европы: писателей, ученых, живописцев, врачей и юристов, поэтов и менестрелей. Многие находили в городе своего Мecenата, пусть и нажившего состояние неблагоприятным путем. Многие отзывались об Авиньоне с презрением, но все равно посещали город. Святая Бригитта, знатная овдовевшая шведка, жившая в Риме и нередко обличавшая нравы своего времени, называла Авиньон «нивой, на которой произрастают алчность и чванство, дают всходы людские слабости и пороки и процветает коррупция».

Коррупция нуждается во взаимной поддержке коррумпированных сторон, и церкви приходилось делиться доходами с королем. Так, в частности, церковь отчисляла в государственную казну часть подати, взимавшейся на организацию крестовых походов, и такое распределение этих денежных средств было в конце концов узаконено короной.

Коррупция пронизала всю церковную иерархию, во главе которой вместе с папой стояли его прелаты, подражавшие папе роскошеством одеяний. От них старались не отставать и церковники рангом ниже. В 1342 году архиепископ Кентерберийский жаловался на то, что «священники одеваются как миряне, носят верхнее платье в красную и зеленую клетку с чрезмерно широкими рукавами, обнажающими меховую или шелковую подкладку, а вдобавок к этой одежде – расшитый золотом пояс с приложенным к нему кошель и остроносую обувь». Кроме того, некоторые состоятельные священники держали шутов, собак, соколов, а за пределы страны выезжали в сопровождении пышной свиты.

Но не промах были и сами епископы. Купив свою должность за стоимость годового дохода, они старались возместить денежные потери за счет подчиненных им священнослужителей, вплоть до монахов и продавцов индульгенций.

Продавцы индульгенций обеспечивали людям прощение любых грехов, от чревоугодия до убийства, отменяли обеты воздержания, к примеру обет поститься, и освобождали грешников от церковного наказания. Когда им поручали собирать средства на крестовый поход, они, по словам Маттео Виллани, «у людей, не имевших денег, отбирали белье, шерстяную материю, различную домашнюю утварь, зерно и фураж». Продавцы индульгенций обещали людям спасение, злоупотребляя их доверчивостью и нуждами. Чосер в «Кентерберийских рассказах» создал образ продавца индульгенций, неприятного типа с безжизненными прядями льняных и длинных, до плеч волос, без всякой, как у евнуха, растительности на теле, с козлиным голосом и блестящими заячьими глазами, пускавшего на всевозможные уловки и трюки, чтобы одурачивать людей.

У приходских священников деятельность продавцов индульгенций восторга не вызывала, ибо те не только освобождали грешников от церковного наказания, но и проявляли свою активность на чужой территории, собирая дань с верующих во всякое удобное для себя время – как в сельские праздники, так и в дни похорон усопших, чем наносили немалый урон дохо-

дам священников. Однако система работала, ибо продавцы индульгенций делились выручкой с папством.

По существу, продавцы индульгенций сами грешили, но еще большее недовольство вызывали другие греховодники – бессовестные монахи и члены нищенствующих католических орденов, странствующие монахи, претендовавшие на особую близость к Богу. Они славились как распутники и соблазнительницы женщин. Впоэме XIV столетия рассказывается о том, что едва муж уходит из дому, к его жене под видом разносчика украшений приходит монах.

Лишь муж за порог,
К его жене спешит монах.
Ему неведомы и стыд, и страх.
С делом своим справляется достойно
И дарит мужу ребенка, а то и двойню.

В произведениях Боккаччо, во французских фавлю и в других ходивших в народе сочинениях того времени часто высмеивался приносившийся монахами обет безбрачия. Монахи увивались около женщин и зачастую имели любовниц. «Монах возлежал на ложе с женой рыцаря», – так начинается один из средневековых рассказов. В другом рассказе говорится о том, что «монах со своей любовницей улегся в постель». В монастыре, где Петр Пахарь служил поваром, сестра Пернелл была «сожительницей священника». Описанные Боккаччо жуликоватые странствующие монахи неизменно попадали в затруднительные и комичные положения, становясь жертвой собственного разврата. Однако в реальной жизни грехи монахов вызывали не смех, а тревогу и беспокойство, ибо вставал законный вопрос: если монахи утратили свою святость, то как они могут спасти души людей? Греховная жизнь монахов вызывала враждебность, иногда они даже подвергались физическому насилию. В хронике 1327 года безнравственное поведение странствующих монахов решительно осуждается.

В соответствии с воззрениями святого Франциска, основателя ордена францисканцев (одного из нищенствующих орденов), членам этого ордена следовало странствовать по свету, ходить босыми среди простого народа, проповедовать любовь к бедным людям и жить в святости и добре, не помышляя о деньгах и других благах мирской жизни. Однако, вопреки этим установлениям, орден францисканцев обзавелся обширными землями, строил монастыри и создал собственную «служебную лестницу». Понимая, что дела ордена расходятся с первоначальной концепцией, святой Франциск, отвечая послушнику, пожелавшему иметь псалтырь, урезонивал его: «Когда ты получишь псалтырь, тебе захочется иметь требник, а получив требник, ты, подобно прелату, сядешь на стул и с важным выражением на лице скажешь своему брату: “Брат, принеси мне мой требник”». В некоторых монашеских орденах у монахов имелись карманные деньги, да еще сбережения, которые они охотно ссужали с выгодой для себя. Монахам в некоторых монастырях ежедневно полагался галлон пива, они ели мясо, носили меховую одежду и драгоценности, имели прислужников. Втеревшись в доверие к знатным людям, францисканцы, бывало, служили у них капелланами или даже советниками, а то и трапезничали вместе с хозяевами.

Как и продавцы индульгенций, монахи беззастенчиво обманывали людей, продавая им всевозможные поддельные раритеты. В сочинении Боккаччо странствующий монах Циполла продает простаку перья ангела Гавриила, упавшие в спальню Девы Марии во время Благовещения. Но и в реальной жизни подобные надувательства были не редкостью. Один странствующий монах умудрился продать часть куста, из середины которого Господь наставлял Моисея, законодателя древних евреев. Некоторые странствующие монахи продавали индульгенции из Сокровищницы заслуг, помещенной на небо по распоряжению святого Франциска. Когда Джона Уиклифа спросили, на что такие индульгенции годны, он ответил: «Покрывать вместо

крышки горшочки с горчицей». Странствующих монахов одни искренне презирали, а другие почитали и опасались, ибо считалось, что они обладают ключом к спасению.

Насмешки над церковью могли привести к суждению, будто эта организация так сильно поражена лицемерием и продажностью, что дни ее сочтены. Однако на самом деле церковь настолько укоренилась в структуре общества, что ее положение было предельно прочным. Христианство в средневековье определяло повседневную жизнь людей и даже наставляло их в мелочах, да еще с выгодой для себя. Так, церковь разработала памятку для варки яиц: «варить в течение того времени, которое уходит на чтение молитвы».

Без руководства церкви не обходились ни рождение человека, ни его смерть, ни женитьба, ни система питания, предусматривающая посты. Она оказывала давление на науки: медицину, юриспруденцию, философию. Человек не мог выбирать, следовать ему церковным установлениям или нет, соблюдение этих правил было неукоснительным.

Религия была неотъемлемой частью жизни, и церковь не противилась, когда ежегодно в рождественскую неделю ее церемонии – какими бы священными они ни были – пародировались на Празднике дураков: это народное празднество вреда церкви не приносило.

Устроители праздника из священников низкого ранга – кюре, викарии, иподьяконы – избирали в храме короля дураков, нарекая его папой, аббатом или епископом. Этому человеку брили наголо голову, а потом облачали его в вывернутую наизнанку ризу. Церемония сопровождалась сквернословием и непристойными жестами, по храму участники этого своеобразного праздника расхаживали с кадилами, сделанными из поношенных башмаков и испускавшими смрадный дым. Другие играли в кости на алтаре или со вкусом угощались кровяной колбасой. Одни были одеты, как женщины, другие, как менестрели, третьи были в звериных шкурах. Король дураков принимался благословлять всех присутствовавших в бессмысленных выражениях, в ответ неслись улюлюканье и непристойные песни. Наконец король дураков выходил из церкви и призывал всех следовать за собой. Его усаживали в повозку, которую тащили по городу сквозь собравшуюся толпу. Король дураков раздавал фальшивые индульгенции, что сопровождалось всеобщим свистом и гиканьем. За ним следовали повозки с навозом, и голые мужчины, их волочившие, бросали этот помет в толпу под хохот зевак. Шествие не обходилось без танцев и обильных возлияний. Весь этот праздник являлся пародией на хорошо знакомые, но утомительные и часто не имевшие смысла церковные ритуалы.

В повседневной жизни церковь защищала, врачевала и утешала людей. Дева Мария и покровительствующие людям святые оказывали помощь в беде и оберегали от таившихся повсюду сил зла. Города, гильдии и отдельные люди имели своих покровителей. Лучникам покровительствовал святой Себастьян, пронзенный стрелами по приказу римского императора, пекарям – святой Оноре (знаком его почитания служила печная серебряная лопатка и три поджаристые буханки), морякам – святой Николай, однажды спасший в море детей, путешественникам – святой Христофор, носивший на плече младенца Иисуса. Монашеским филантропическим братствам покровительствовал святой Мартин, отдавший бедному половинку своего плаща, а незамужние девушки полагались на милости святой Катерины. Покровительствующие людям святые были их благодетелями всю жизнь. Они лечили от недугов, утешали в горе, при крайней нужде сотворяли чудо. Святых изображали на хоругвях, на входах в ратуши и часовни, на медальонах.

Наиболее милосердной и полной сострадания ко всяким несправедливостям, обидам и бедам слыла Богородица, всегда готовая прийти людям на помощь. Она освобождала узников из тюрьмы, а голодающих кормила собственным молоком. Один из хронистов рассказывает, как некая обездоленная крестьянка вылечила своего сына от бельма на глазу. Она привела ребенка в церковь Сен-Дени, преклонила колени перед изображением Богородицы, прочитала «Аве Мария» и осенила сына крестом с помощью священной реликвии – гвоздя со Святого

распятия. После этого бельмо мгновенно исчезло, и возликовавшая женщина вернулась домой вместе с сыном, который более никогда не жаловался на зрение.

Не отказывала в помощи Богородица и преступникам, вне зависимости от тяжести их вины. В «Чудесах Богоматери», цикле театральных городских представлений, Дева Мария идет навстречу любому злодею, если тот покался. Так, некую женщину, обвиненную в том, что она наняла двух человек, чтобы покончить со своим свекром, с которым вступила в связь, возвели на костер, но она успела обратиться за помощью к Богородице, и та, неожиданно появившись, предотвратила вспышку костра. Увидев такое чудо, власти отпустили женщину на свободу, и она, раздав свои деньги и имущество бедным, ушла в монастырь.

Около тысячи лет церковь разъясняла людям смысл и цели жизни. Она утверждала, что человеческая жизнь на земле есть лишь временное прибежище на пути к Богу и к Новому Иерусалиму, «другому нашему дому». Петрарка писал своему брату, что жизнь – «утомительное и трудное путешествие к вечному дому, к которому мы стремимся; если же мы пренебрежем нашим спасением, то нас ожидает тягостный путь к вечной смерти». Церковь предлагала людям спасение, обрести которое можно, лишь соблюдая церковные ритуалы с помощью священнослужителей. «*Extra ecclesiam nulla salus*» («Вне Церкви спасения не сыскать») – таково было правило жизни.

Альтернативой спасению были ад и вечные муки, выразительно изображенные в средневековом искусстве. В аду грешников подвывают за язык к горящим деревьям, другие горят в печах, неверующие задыхаются в смрадном дыму. Слабые в вере падают в черные воды бездн и утопают соразмерно своим грехам: прелюбодеи по ноздри, обидчики ближних – по брови. Некоторых в аду проглатывают огромные страшные рыбы, других истязают демоны, третьих терзают змеи. Иные мучаются от голода, и хотя над ними висят ветки с плодами, они не в силах насытиться, ибо когда протягивают к плодам руки, ветви отодвигаются. Над дверьми каждого католического собора для всеобщего обозрения вырезались познавательные картины: бесы влекут связанных веревками грешников к котлу с адским огнем, а ангелы ведут другую, намного меньшую группу, в ином направлении, сулящем блаженство.

В средневековье не сомневались, что большинство людей обречено на вечные муки. *Salvandorum paucitas, damnandorum multitudo* (спасаются немногие, большинство осуждается за грехи) – это суждение не менялось от Августина до Фомы Аквинского. Во время Потопа в ковчеге Ноя спаслись члены его семьи, что, как полагают, указывает на количество уцелевших во время этого бедствия (приблизительно 1 из 1000 человек или даже 1 из 10000). Однако эта оценка значения не имеет: церковь давала надежду на спасение всем, кроме неверующих в Христа. Обрести спасение могли даже грешники, ибо считалось, что грехи свойственны человеку, но они могут быть прощены путем покаяния. «Обратись ко мне, грешник, – говорил некий сектант-лоллард на проповеди, – ибо Бог знает твои грехи и не отвергнет тебя. Обратись ко Мне, говорит Господь, и я приму тебя в Свое лоно и дарую тебе благодать».

Когда простые люди приходили в церковь, они оказывались в мире великолепия, богатства и красоты, чего в повседневной жизни были полностью лишены. Однако эту роскошь и красоту они создавали собственными руками. Они возводили в нефы колонны, поднимающиеся к церковному своду, вырезали из камня фигуры апостолов, выкладывали мозаичные полотна с изображением хора ангелов с распростертыми крыльями... Они выполняли эти работы во имя Бога, что придавало им гордость и делало бедняков творцами прекрасного.

О бедняках – нуждающихся, больных, сиротах, калеках, прокаженных, слепых, слабоумных – заботилась церковь, а не правительство, раздавая им подаяния и уверяя, что скромная, скудная жизнь – гарантия благодати на небесах. Этому принципу следовали и знатные люди, подававшие милостыню, и священнослужители – когда деньгами, а когда остатками пищи с собственного стола. Пожертвования из разных источников поступали также в больницы, первостепенные получатели церковной благотворительности. Занимались филантропией и купцы,

отчисляя от сделок определенную сумму денег, чем, как они полагали, покупали себе спокойствие духа при ведении богопротивных дел. Эти траты купцы заносили в свои гроссбухи в графу «отчисления Богу», полагая, что Бог – представитель бедных людей. Христианским долгом также считалось обеспечение приданым бедных девушек. Некий гасконский сеньор, живший в XIV столетии, выделял по сто ливров тем девушкам, которых он соблазнил, «если их только можно сыскать».

Занимались благотворительностью и корпоративные учреждения, считавшие помощь бедным своей религиозной обязанностью. Гильдии мастеровых и ремесленников отчисляли от прибыли бедным определенную сумму, именуя ее «честными деньгами». Городские магистратуры учреждали фонд подаваний и «стол для бедных». В праздничные дни они приглашали двенадцать бедняков, за праздничный стол, а в святую пятницу мэр или другой влиятельный человек мыл нищему ноги. Однажды, когда Людовик Святой руководил такой церемонией, его биограф и приближенный сир де Жуанвиль в ней участвовать отказался, сославшись на то, что если он дотронется до ног нищего, его тут же стошнит. Любить бедных порой было нелегким делом.

Священнослужители, вероятно, были не более жадными и развратными, чем миряне, но поскольку повсеместно считалось, что они лучше и ближе к Богу, их недостатки и слабости привлекали больше внимания. Климент VI был падок на роскошь, но в то же время слыл добрым и отзывчивым человеком. Приходские священники отправлялись исповедовать умирающего даже в самый отдаленный дом своего прихода в любую погоду.

В «Кентерберийских рассказах» о приходском священнике говорится:

Он грешных прихожан не презирал
И наставленье им преподавал,
Не жесткое надменное пустое,
А кроткое, понятное простое.
Благим примером направлял их в небо
И не давал им камня вместо хлеба³.

Тем не менее недовольство церковью росло. Простые люди начали нападать на папских сборщиков податей, и даже епископы не чувствовали себя в безопасности. В 1326 году на волне антиклерикализма толпа обезглавила епископа Лондонского и оставила его обнаженное тело на улице. В 1338 году огромная толпа напала на епископа Констанцкого, нанесла увечья людям из его свиты, а самого епископа препроводила в тюрьму.

Начались распри и среди самих священнослужителей. В Италии возникло еретическое крестьянско-плебейское движение фратичелли (спиритуалов), леворадикального крыла католического ордена францисканцев. Фратичелли выступали против обогащения церкви и ратовали за ее превращение в сообщество праведников. Движение бедняков исходило из сущности христианской доктрины, предписывавшей отказ от любых материальных благ, – идеи, внесшей разлад в классический мир. Согласно этой доктрине, Бог позитивен, земная жизнь негативна, а святость достигается лишь отказом от мирских ценностей. Чтобы одержать победу над плотью и обрести счастье в загробном мире, следует соблюдать пост и придерживаться безбрачия. Согласно тому же установлению, деньги суть зло, красота – напрасные хлопоты, честолюбие – безнравственная гордыня, плотские желания – похоть, намерения добиться успеха в жизни и даже стремление к знаниям – пустое тщеславие. Люди, не стремящиеся к духовной жизни, считались грешниками. Христианским идеалом был аскетизм – отрицание чувственного бытия. В

³ Здесь и далее перевод И. Кашкина.

результате под влиянием церкви жизнь превращалась в постоянную борьбу против чувственных помышлений, сопровождавшуюся неминуемыми грехами и отпущениями грехов.

Время от времени члены общин, противостоявших господствовавшей католической церкви, заметно активизировались, пытаясь ликвидировать проявления материального мира, чтобы стать ближе к Богу путем уничтожения всеохватывающих цепей частной собственности. Церковь, владевшая целым арсеналом недвижимости, инкриминировала этим общинам отклонение от норм христианской религии и объявляла их еретическими. Упорное указание фратичелли на совершенную бедность Христа и апостолов было весьма неудобно авиньонскому папству, и оно в 1315 году осудило эту доктрину как «ошибочную и вредную», а когда фратичелли отказались прекратить свою деятельность, их отлучили от церкви. В Провансе были преданы суду инквизиции двадцать семь членов движения фратичелли, и в 1318 году их сожгли на костре в Марселе.

В то же время начались выступления против притязаний папства на светскую власть. В 1324 году Марсилиус Падуанский написал книгу «Защитник мира», в которой утверждал, что светская власть выше духовной, и ратовал за господство государства над церковью. В том же году автора вредной, крамольной книги отлучили от церкви. Двумя годами позже та же участь постигла Уильяма Оккама, английского францисканца, философа-номиналиста и сторонника интеллектуальной свободы. Он выступал против авторитарности церкви и защищал королевскую власть в ее борьбе с папством. После того как папа Иоанн XXII предал Оккама анафеме, тот обвинил папу в семнадцати заблуждениях и семи ересьях.

Находились в разладе с церковью и средневековые предприниматели и дельцы, что обуславливалось негативным отношением церкви к предпринимательству и коммерции. Церковь утверждала, что деньги – зло, доход свыше минимально необходимого для поддержания дела – не что иное, как алчность, ростовщичество – тяжкий грех, а перепродажа приобретенных оптом товаров по более высокой цене воистину аморальна. Святой Иероним утверждал: «Купцы небогоугодны».

Предприниматели и купцы жили в повседневном грехе и в противоречии с церковным установлением продавать товары по «справедливой цене». Церковь полагала, что ремесло должно обеспечивать человеку лишь средства к существованию, а стоимость готовой продукции – слагаться из цены затраченного труда и стоимости сырья. Чтобы предприниматели не имели существенных преимуществ друг перед другом, им запрещалось использовать новые инструменты и технологии, продавать товары ниже установленной стоимости, работать при искусственном освещении, использовать в работе подмастерьев сверх необходимого, жену и малолетних детей, а также рекламировать или просто нахваливать собственную продукцию. Такие установления подавляли инициативу и были противны природе предпринимательства. Порицание технического прогресса и развития бизнеса приносило значительно больший вред, чем осуждение чувственного бытия человека.

Наибольшей активностью в сфере обращения денег в средневековье выделялось греховное ростовщичество, способствовавшее подготовке условий для возникновения капиталистического способа производства. Обществу были необходимы ссуды и инвестиции, а церковная доктрина их запрещала, но она была такой сложной для восприятия, что «даже умный человек» путался в ее положениях, а при необходимости находил для себя лазейку, чтобы ее обойти. Но главным образом ростовщичеством занимались евреи, выполнявшие, как считалось, грязную, нереспектабельную работу. Ростовщики взимали за ссуду процент, достигавший порой огромных размеров, не обращая внимания на усилия богословов и канонистов, знатоков церковного права, пытавшихся установить размер этого процента от десяти до двадцати годовых.

Грешили против церковных установлений также купцы, регулярно платившие штрафы за нарушение этих правил и поступавшие дальше, как прежде. Богатство Генуи и Венеции воз-

никло благодаря активной торговле христиан с иноверцами, несмотря на запрещение церкви. В те времена ходило ироническое суждение: «Вряд ли можно себе представить сундук купца без изображения на нем дьявола». Видел ли сам купец дьявола, когда считал свои деньги, испытывал ли чувство вины, сказать затруднительно. Франциско Датини, купец из Прато, судя по его письмам, жил в постоянной тревоге за свое дело, но его озабоченность главным образом вызывалась утратой состояния, а не страхом перед Всевышним. Он, должно быть, стремился примирить дело с установками христианства, ибо на его грессбухе было начертано: «Во имя Бога и прибыли».

Расслоение на богатых и бедных в средневековье стало крайне заметным. Получив контроль над сырьем и средствами производства, владельцы предприятий то и дело снижали зарплату работникам. Теперь бедняки считали их не защитниками, а своими врагами, библейскими богачами, которым уготован адский огонь. Но от этого легче не становилось. Они ощущали несправедливость и безжалостность мира, их окружавшего, и это чувство стало выливаться в бунтарство.

В средневековье считалось, что правители должны стоять на страже интересов народа, проводить требуемые реформы, облагать налогами как бедных, так и богатых. На практике выходило иначе. В восьмидесятые годы XIII столетия французский юрист Филипп де Бомануар писал, что «имели место акты насилия со стороны бедняков, ибо те полагали, что отстоять свои права можно лишь силой». Далее де Бомануар сообщал, что бедняки стали объединяться, отказываются работать за нищенскую зарплату и учиняют расправу над теми работниками, кто их не поддерживает. По мнению Бомануара, такие действия наносят вред обществу, ибо «общественные интересы не должны страдать от прекращения работы на производстве». Он предлагал строптивых работников арестовывать, сажать в тюрьму и штрафовать каждого на 60 су, как это принято за нарушение общественного порядка.

Наиболее значительные волнения наблюдались среди ткачей Фландрии. В средневековье текстильное производство было наиболее развито, и Фландрия стала главной ареной трений и разногласий в зарождавшемся капиталистическом обществе. В свое время объединенные общим ремеслом в гильдии, мастера, квалифицированные и неквалифицированные рабочие (подмастерья) разделились на хозяев и наемных рабочих. Гильдии превратились в корпорации, управлявшиеся предпринимателями, и рабочие в этих профессиональных объединениях не имели ни прав, ни голоса.

Крупные предприниматели брали в жены аристократок, вдобавок к своим городским домам покупали загородные поместья, влились во второе сословие и стали играть видную роль в городском самоуправлении. Они строили церкви, больницы, суконные ряды, мостили улицы, совершенствовали систему канализации. Но большую часть муниципальных расходов составляли поступления с налогов от продажи товаров широкого потребления – зерна, вина, пива, торфа, – что приводило к подорожанию такого рода товаров и перекладыванию всей суммы этих налогов на покупателей. Оказавшиеся у власти предприниматели поддерживали друг друга и всеми силами цеплялись за свои полномочия. Так, в Генте долгое время находились у власти тридцать девять предпринимателей, составлявшие три группы по тринадцать человек в каждой, сменявших ежегодно друг друга. Двенадцать магистратов, приходивших на смену друг другу три раза в году, управляли Аррасом. Власть в Руане принадлежала ста пэрам, наследственно управлявшим этим промышленным городом. Они назначали мэра и других важных должностных лиц. При удаче и известной напористости в городскую элиту могли влиться и предприниматели категорией ниже, а вот ремесленники не имели ни политических прав, ни надежды на лучшее будущее.

И все же многие люди находили себе утешение в повседневной обыденной жизни, пользуясь поддержкой товарищей. Всредневековье люди жили тесными группами, являясь членами

религиозных и рыцарских орденов, различных братств и союзов. Они не были одиноки. Даже женатые люди спали в одной комнате со своими детьми и слугами. Одинокую жизнь вели лишь отшельники и затворники. Если знатные люди становились членами рыцарских орденов, то простолюдины объединялись в братства по месту жительства или по роду занятий.

Члены братства простолюдинов, насчитывавшего от двадцати до ста человек, помогали друг другу в повседневных делах, совместно участвовали в религиозных обрядах и сообща развлекались. Они провожали до городских ворот своего сотоварища, отправившегося в паломничество, и хоронили того из собратьев, кто умирал. Если кто-то из них совершал преступление и был приговорен к смертной казни, остальные провожали его до эшафота. Если случалось, что кто-то из них утонул в реке, остальные три дня секли эту реку кнутами (однажды досталось неповинной Гаронне). Если член братства умирал должником, то остальные оплачивали его похороны, а потом помогали его семье. Парижские скорняки платили заболевшим членам своего братства 3 су в неделю во время их неработоспособности. Эти расходы покрывались членскими взносами, собиравшимися пропорционально доходам участников братств.

Члены таких союзов устраивали театральные представления, в которых играли сами, а также различные спортивные состязания с обязательными призами. По случаю они приглашали выступить по назревшей теме ораторов, а то и священников. По праздникам, усыпав цветами улицы и сами принарядившись, они организовывали процессии, впереди которых несли свой «штандарт», а также статую или образ святого, который им покровительствовал.

При возможности братства оказывали помощь церквям, выполняя различные строительные работы, а если им доводилось оплачивать художественную отделку, то они себя чувствовали покровителями искусств наравне со знатными и состоятельными людьми. Крепко стоявшие на ногах братства занимались благотворительностью: жертвовали деньги на содержание больниц, раздавали милостыню и съестные припасы бедным. Парижские бакалейщики оказывали помощь слепым, а торговцы мануфактурой – людям, угодившим в тюрьму.

В 1320 году недовольство сельской бедноты своим положением вылилось в восстание «пастушков», получившее такое название потому, что начали его пастухи. Восстание было вызвано начавшимся обезземеливанием крестьянства и увеличением крестьянских повинностей. Начиная с 1250 года крестьяне стали отказываться возделывать землю феодального сеньора, молотить его зерно, заготавливать ему сено и работать на его мельнице. Несмотря на штрафы и наказания, крестьяне без разрешения захватывали свободные земли, нападали на управляющих поместьями феодалов, освобождали из тюрьмы своих сотоварищей.

Угнетение крестьян феодалами и выступления бедноты вызывало тревогу в обществе. Жак де Витри, автор нравоучительных рассказов и поучений, писал, что те, «кто наживается на поте и крови бедных, будут выть в аду от страшных мучений». Далее он писал: «то, что бедняки зарабатывают за год, знатные люди получают за час». Де Витри также выступал против незаконного обложения налогами бедняков и неумеренного увеличения крестьянских повинностей. Еще он писал, что богатым не следует презирать бедных, ибо такое к ним отношение вызывает ответную ненависть. Де Витри также предупреждал: «Бедные могут не только приносить нам большую пользу своим трудом, они вполне способны причинить нам и великое зло. Тому есть подтверждение: крестьяне уже убили многих своих хозяев и сожгли их дома».

В те времена среди народа ходило пророчество, что однажды наступит голод и тогда бедняки восстанут против властей, низвергнут церковь и некую могущественную державу, а после невиданного доселе кровопролития наступит время единства и равенства, и люди станут поклоняться единому богу. Смутные разговоры о новом крестовом походе, подстрекательские выступления отлученного от церкви монаха и лишённого духовного сана священника вкупе с пророчеством, возмущившим спокойствие, побудили крестьян и бедноту Северной Франции двинуться маршем на юг страны в поисках лучшей доли. Во время этого выступления, полу-

чившего название восстания «пастушков», похожего на «неожиданный и стремительный ураган», к восставшим присоединялись все новые люди, недовольные своим положением, и вскоре на юг двигалась целая армия, бравшая приступом аббатства и замки, сжигавшая городские ратуши и открывавшая тюрьмы. Когда восставшие вступили в Южную Францию, они принялись за уничтожение евреев.

Евреи соприкасались с остальным миром благодаря ростовщическим операциям еврейской верхушки, и многие крестьяне попадали от них в зависимость, не в силах расплатиться по ссудам и множа свои долги. В 1306 году Филипп Красивый изгнал евреев из Франции, и крестьяне сочли, что их долги ликвидированы, но сын Филиппа Красивого Людовик X разрешил евреям вернуться на том условии, что они станут выплачивать короне две трети своих доходов от взимаемых процентов и долгов с населения. Обострение былой ненависти к евреям привело «пастушков» к тому, что они истребили почти все еврейское население от Бордо до Альбы. Несмотря на королевский указ защищать евреев, местные власти не смогли удержать восставших от самоуправства, а иногда сами им помогали.

Евреи считались «презренными иноверцами», чему способствовала церковная пропаганда, и даже наиболее благочестивые люди, такие, как Людовик Святой, питали к евреям стойкую антипатию. В простонародье считалось, что грабить евреев и даже их убивать – дело святое. «Пастушки» истребляли и прокаженных, обвиняя последних в том, что, вступив в сговор с евреями, они отравляли колодцы. В 1321 году преследование людей, страдавших проказой, было узаконено королевским указом.

Расправляясь со священнослужителями и захватывая церковную собственность, «пастушки» навели в стране такой страх, что у знатных людей стыла кровь при виде любой толпы. В конце концов папа Иоанн XXII запретил под страхом смерти снабжать «пастушков» продовольствием и санкционировал применение силы к повстанцам. Этого оказалось достаточно, и «пастушки» закончили свои жизни, как и другие бунтари средневековья, с веревкой на шее.

В начале XIV столетия особую тревогу вызывало то обстоятельство, что при укреплении государственной власти не хватало средств для ее финансирования. В 1307 году Филипп Красивый, исчерпав все источники поступления денег, решил пополнить государственную казну за счет монашеско-рыцарского ордена тамплиеров. Этот орден образовался во время крестовых походов для защиты Святой земли. Поначалу тамплиеры придерживались идеологии аскетизма, но постепенно отошли от прежних воззрений, собрали в своих руках значительные богатства, стали своего рода международной банкирской организацией и, подобно ломбардцам и евреям, занялись ростовщичеством. Благотворительности тамплиеры не предавались, в отличие, к примеру, от рыцарей святого Иоанна Иерусалимского (госпитальеров), помогавших больницам. В связи с неудачей крестовых походов тамплиеры перенесли свою деятельность в Западную Европу, преимущественно во Францию, сделав своей штаб-квартирой парижский Тампль.

Богатства тамплиеров стали предметом вождения Филиппа Красивого. Кроме того, этот орден, добившийся фактической автономии, мешал укреплению королевской власти. Не шли на пользу ордену и слухи о невиданных богохульствах, которые тамплиеры якобы совершали во время тайных обрядов. И вот в 1304 году за одну ночь по приказу Филиппа Красивого были арестованы все тамплиеры, находившиеся во Франции, после чего их собственность конфисковали. Чтобы оправдать эту акцию, тамплиеров обвинили в тяжких грехах. Королевские прокуроры подкупали нужных людей, и те, выступив в качестве свидетелей, показывали, что тамплиеры отрицали церковные таинства, продали душу дьяволу и занимались скотоложством, педерастией и половыми сношениями с дьяволами и суккубами. Подкупленные свидетели рассказывали также о том, что люди при вступлении в орден отрекались от Христа и Девы Марии, мочились на крест, а затем целовали магистра ордена в губы, пенис и ягодицы.

В средневековые верили в колдовство и черную магию, и Филипп использовал эти народные верования, чтобы придать ереси тамплиеров зловещую, отвратительную окраску. Обвинения тамплиеров в занятии черной магией не казались надуманными. Инквизиция охотно использовала этот способ опорочивания неугодных людей, особенно состоятельных, чтобы присвоить их собственность. В последующие тридцать пять лет в Тулузе и Каркассоне инквизиция обвинила в ереси около тысячи человек, из которых около шестисот отправила на костер.

Средневековое правосудие формально старалось вершить суд объективно и не карать обвиняемых без доказательства их вины, но добивалось этих свидетельств не достоверными фактами, а признаниями самих подсудимых, сделанными под пытками, которые стали центральным пунктом следственного процесса.

Тамплиеров (а среди них было немало людей преклонного возраста) морили голодом и подвергали различным пыткам: им сдавливали тисками большие пальцы, вырывали зубы и ногти, ломали кости, поджаривали ноги раскаленными докрасна клещами или железом. Тридцать пять тамплиеров умерли, не выдержав пыток, некоторые покончили счеты с жизнью. Великий магистр ордена Жак де Моле и сто двадцать два тамплиера признались в оплевывании креста и иных преступлениях, которые им вложили в уста инквизиторы. «Де Моле сознался бы даже в том, что убил самого Господа Бога, если бы ему навязали это признание», – писал один из хронистов. Шестьдесят семь тамплиеров, нашедших мужество настаивать на своей невиновности, были объявлены закоренелыми еретиками и сожжены на костре. После мнимого публичного сожаления папы орден тамплиеров во Франции и все его отделения в Англии, Шотландии, Арагоне, Кастилии, Португалии, Германии и Неаполитанском королевстве были запрещены на Вьенском соборе 1311–1312 годов.

Собственность тамплиеров официально перешла к рыцарям ордена святого Иоанна Иерусалимского (госпитальерам), но на Вьенском соборе Филипп Красивый не зря сидел по правую руку папы и, несомненно, был причастен к принятому решению. И в самом деле, вскоре госпитальеры выплатили Филиппу огромную сумму денег, якобы в погашение долга ордена тамплиеров королевской казне.

Однако дело тамплиеров на этом не закончилось. В марте 1314 года великий магистр ордена Жак де Моле, бывший друг короля и крестный отец его дочери, вместе со своим ближайшим соратником поднялся на эшафот, возведенный на площади перед собором Парижской Богоматери. Предполагалось, что они подтвердят свои прегрешения, после чего их присудят к пожизненному тюремному заключению. Вышло иначе. Де Моле и его спутники на глазах тысяч зрителей – священнослужителей, аристократов и простолюдинов – заявили, что они, как и все тамплиеры, полностью невиновны. Тогда Филипп приговорил их к сожжению на костре. На следующий день, когда де Моле привязали к столбу, чтобы сжечь, он снова заявил о своей невиновности, добавил, что за него отомстит Господь, затем проклял короля и его потомков до тринадцатого колена и уверил собравшихся, что в течение ближайшего года он встретится с Филиппом и папой Климентом V на Божьем суде. И в самом деле, через месяц папа Климент скончался, а семью месяцами позднее, в возрасте сорока шести лет, умер и Филипп IV Красивый. Причина его смерти точно не установлена, хотя в некоторых источниках говорится, что она стала следствием неудачного падения с лошади. Из других источников можно понять, что Филиппа разбил паралич, но для богобоязненных современников причиной его кончины, несомненно, стало проклятие тамплиеров, смешавшееся с дымом костра, рассеявшимся над Францией в зловещем кровавом свете заходящего солнца.

Пророчество тамплиеров, казалось, стало сбываться, и три сына Филиппа Красивого – Людовик X, Филипп V и Карл IV, последовательно всходявшие на французский престол, – не только правили всего по несколько лет, но и умерли в молодом возрасте: двадцати семи, двадцати восьми и тридцати трех лет от роду соответственно. У них не было сыновей, и династия Капетингов прекратила существование. Правда, у Людовика X была дочь по имени Иоанна,

которой было четыре года, когда король-отец умер, но ее дядя, средний сын Филиппа Красивого, сославшись на малолетство принцессы, сам стал королем. Добившись цели, Филипп V собрал ассамблею из представителей всех трех сословий и Парижского университета, которая подтвердила его права на престол и во избежание возможных разногласий в дальнейшем постановила, что «женщина не может претендовать на трон Франции», установив тем самым салический порядок престолонаследия, закрывший женщинам доступ к верховной власти во Франции.

В 1328 году после смерти Карла IV и окончания династии Капетингов началась борьба за французский престол, вылившаяся в самую продолжительную войну в истории Запада. На трон претендовали три человека: внук и два племянника Филиппа Красивого. Внуком Филиппа являлся шестнадцатилетний Эдуард III, английский король и сын дочери Филиппа Красивого Изабеллы, вышедшей замуж за Эдуарда II. Ходили слухи, что Изабелла вместе со своим фаворитом причастна к смерти мужа.

Подстрекаемый своей матерью, Эдуард III предъявил права на французский престол, сославшись на то, что он наследник Филиппа Красивого по прямой линии. Во Франции к его притязаниям отнеслись неблагоприятно и не только по той причине, что он был внуком по женской линии, но также и потому, что его мать Изабелла пользовалась дурной репутацией. Кроме того, никто не хотел видеть на французском престоле английского короля.

Двумя другими претендентами на французский престол являлись племянники Филиппа Красивого – Филипп Валуа и Филипп д'Эвре. Филипп Валуа принадлежал к одной из знатнейших фамилий Франции. При поддержке аристократии он и стал королем, почти не встретив противодействия. Его противники формально смирились с восшествием Валуа на престол. Эдуард III даже приехал во Францию, чтобы его поприветствовать, и получил в ленное владение герцогство Гиень. Филиппу д'Эвре передали в управление Наваррское королевство и дали в жены дочь Людовика X Иоанну.

Однако Филипп VI не чувствовал себя уверенно на престоле. Он воспитывался, не готовясь стать королем, и не обладал необходимой твердостью характера. Казалось, он чувствовал, что взшел на престол не по праву, к тому же это чувство усугублялось прохладным отношением к нему современников, считавших его *le roi trouve* («найденным королем»), словно Филиппа нашли в капусте. Кроме того, он был под каблуком у своей жены Иоанны Бургундской, вздорной и сварливой женщины, не пользовавшейся не только любовью, но и уважением окружающих, хотя она покровительствовала искусству и приезжавшим в Париж ученым мужам.

Такой же набожный, как Людовик Святой, но не обладавший его волей и интеллектом, Филипп VI более всего интересовался вопросами богословия и, в частности, Блаженным видением, стараясь уразуметь, видят ли души усопших праведников лик Господа сразу же, как только попадают на небеса, или им приходится дожидаться Судного дня. Вопрос казался Филиппу насущным, ибо, как он считал, заступничество святых за людей эффективно только в том случае, если они допускаются к Богу. Люди верят в помощь святых и недаром жертвуют деньги, опуская их в ящички рядом с раками, содержащими мощи заступников. Филипп дважды обсуждал этот вопрос с богословами и пришел в «великое возмущение», когда папский легат в Париже сообщил ему, что папа Иоанн XXII сомневается в реальности Блаженного видения. Хронист по этому поводу сообщал: «Король пригрозил легату костром, если тот не отречется от своих слов, а затем велел оповестить папу, что если тот продолжит сомневаться в Блаженном видении, то будет объявлен еретиком». Затем Филипп написал Иоанну XXII, что отрицание Блаженного видения подорвет веру людей в заступничество святых и Девы Марии. К удовлетворению Филиппа VI, созданная папой комиссия, исследовав насущный вопрос, пришла к заключению, что святые, оказавшись на небесах, видятся со Всевышним.

Правление Филиппа VI началось в благоприятных условиях: Франция процветала. Голод и эпидемии ушли в прошлое, и даже проклятие тамплиеров стерлось из памяти. Спорная Фландрия вернулась под французский контроль в результате победоносной военной кампании, предпринятой королем. Отношения с ней наладились и стали столь же устойчивыми, как и с четырьмя другими крупнейшими ленами: Бургундией, Бретанью, Фуа и Арманьяком. Только Гиень (Аквитания), отданная Филиппом VI в лен английскому королю, оставалась источником нескончаемого конфликта.

Когда в 1338 году этот конфликт обострился, семейство Куси породнилось с австрийскими Габсбургами, в результате чего появился на свет Ангерран VII, герой этой книги. Этому союзу поспособствовал сам Филипп, искавший союзников для борьбы с Англией. Годом раньше Филипп заявил, что Гиень является собственностью французской короны, а Эдуард III ответил тем, что объявил себя законным королем Франции и стал готовиться к войне. Когда английские войска высадились во Фландрии, намереваясь предпринять дальнейшее продвижение, обе враждующие стороны принялись лихорадочно искать союзников в Нидерландах и по другую сторону Рейна.

Филипп VI не только подбирал союзников, но и хотел увериться в том, что могущественные Куси выступят на его стороне в борьбе с англичанами. Филипп добился для Ангеррана VI руки Екатерины Австрийской, дочери герцога Леопольда I и правнучки Амадея V, графа Савойского. Савойя, находившаяся между Францией и Италией, являлась в XIV столетии графством с автономным правлением и в то время была центром матримониальной сети, охватившей почти все европейские страны. Так, одна из семи теток Екатерины приходилась супругой византийскому императору Андронику III Палеологу.

В средневековье выгодная женитьба помогала налаживанию международных и междоусобиц отношений, служила рычагом дипломатии. Отношения между европейскими странами и их властелинами зачастую зависели не от общих границ и высоких государственных интересов, а от династических связей и родственных отношений, что позволяло, например, венгерскому принцу претендовать на неаполитанский престол, а английскому – на кастильский. Французские Валуа, английские Плантагенеты, богемские Люксембурги, баварские Виттельсбахи, австрийские Габсбурги, миланские Висконти, правители Арагона, Кастилии и Наварры, герцоги Бретани, графы Фландрии и Савойи – все они плели матримониальную сеть, при создании которой никогда не учитывались два фактора – чувства брачующихся и интересы народа.

Хотя для заключения брака требовалась добрая воля жениха и невесты, высказанная ими священнику, на практике это требование порой нарушалась. Так, император Священной Римской империи Людвиг Баварский объявил о помолвке своей малолетней дочери, даже еще не научившейся говорить, что и привело, как некоторые посчитали, к тому, что она на всю жизнь осталась немой, и за это ее отцу предстояло ответить на Божьем суде.

При женитьбе своего сына или замужестве дочери правители, руководствуясь личными интересами, не обращали внимания на единокровность жениха и невесты, хотя церковь, понимая физиологическую опасность таких союзов, запрещала браки между родственниками по крови до четвертого колена включительно. О таком запрете вспоминали только тогда, когда появлялась необходимость разорвать объявленную помолвку, ставшую по какой-то причине невыгодной. Для получения материальной или политической выгоды церковь неизменно соглашалась на брак родственников по крови, закрывая глаза на запрет, или, исходя из тех же соображений, вспоминала о нем, когда возникала необходимость в разводе.

Чтобы решить финансовые вопросы женитьбы Ангеррана VI на Екатерине Австрийской, в 1337–1338 годах между Филиппом VI и герцогом Леопольдом были заключены два договора. Согласно им, Леопольд давал в приданое дочери сорок тысяч ливров, а Филипп назначил ей из королевской казны ежегодную ренту в размере двух тысяч ливров. Десять тысяч ливров король

пожаловал Ангеррану, а тот пообещал преподнести Екатерине после женитьбы шесть тысяч ливров, и самое главное – к чему стремился Филипп – направил своих людей в королевское войско для защиты страны от вторжения англичан.

В первое время война между англичанами и французами не ожидалась тяжелой и продолжительной, ибо Франция считалась доминирующей силой в Европе, и ее военная мощь намного превосходила мощь Англии и других европейских стран. К тому же население Франции, составлявшее двадцать один миллион человек, в пять раз превышало численность английского населения. Тем не менее обладание Аквитанией и выгодный союз с Фландрией позволяли английскому королю иметь в своем распоряжении два плацдарма для успешного наступления, что придавало уверенности в благоприятном исходе дела и даже предоставляло ему возможность дерзко насмехаться над Филиппом VI, называя того «Филиппом Валуа, который мнит себя королем Франции»; ни Филипп VI, ни Эдуард III не могли даже предположить, что развязанная ими война не только не закончится при их жизни, но и продлится при жизни их детей, внуков, правнуков и праправнуков и что она принесет великие бедствия и, наконец, что эта война станет последней драмой средневековья.

В 1339 году Ангерран VI, оставив жену беременной, отправился на войну. На севере Франции англичане перешли в наступление, и их отряд из тысячи пятисот человек осадил Уази, принадлежавший де Куси замок. Но вассалы Ангеррана VI защищались с таким упорством, что заставили англичан отступить, несмотря на то, что их возглавлял Джон Чандос, один из наиболее искусных английских военачальников. В отместку за эту досадную неудачу Чандос разграбил и сжег три города, входившие во владения де Куси. Тем временем Ангерран VI присоединился к Филиппу, оборонявшему город Турне, и в его отсутствие у него дома появился на свет следующий Ангерран – седьмой и последний из сеньоров де Куси.

Глава 3. Рыцарство

Ангерран VII, продолжатель династии де Куси и первенец у родителей, был, несомненно, им дорог, но, вероятно, все-таки не был объектом трогательной заботы и обожания, что обычно проявляется в наше время по отношению к новорожденным. Из всех отличий средневековья от наших дней наиболее поразительным является отсутствие внимания к детям. Писатели и живописцы Средних веков теплые чувства к ним в своих работах почти не проявляли. Богомладенец Христос, конечно, изображался на руках матери, но в период, предшествовавший середине XIV столетия, его изображали или в скованной позе, не прижимающимся к матери даже во время кормления, или лежащим голым или спеленатым на земле, поодаль от матери, смотрящей на него безучастным взглядом. Эта обособленность от младенца, как полагали, подчеркивала божественное происхождение Иисуса Христа. Даже если средневековые женщины испытывали к своим детям более нежные и теплые чувства, то живописцы в своих работах эти чувства не отражали, ибо считали, что примером настоящего материнства является Дева Мария, которой такие эмоции свойственны не были.

В средневековой литературе, в которой рассказывается о судьбах детей, их, как правило, умерщвляют или оставляют одних в лесу по повелению короля, испугавшегося пагубного пророчества, или по приказу безжалостного отца, подозревающего в измене свою жену. В рассказах женщины обычно флиртуют, обманывают мужей или занимаются проституцией, в драматических сочинениях они – святые и мученицы, а в рыцарских романах – прекрасные, но недоступные дамы.

И все же без темы материнства не обходилось. Так, в одном из произведений английского проповедник рассказывал пастве, как некая мать, «гулявшая с ребенком в зимнюю пору, увидев его замерзшие руки, дала ему пук соломы, чтобы он их согрел, потеряв о солому». Можно увидеть заботу матери о ребенке и на немногочисленных дошедших до нашего времени средневековых рисунках: вот она учит своего ребенка ходить, вот вычесывает ему из головы вшей, а вот вяжет на четырех спицах носки малышу. В «Наставлении послушникам» («Ancrene Riwe»), сочинении XII столетия, мать играет со своим сыном в прятки, а когда он, плача, зовет ее, не в силах найти, «она, раскрыв объятия, бросается к нему, обнимает его и вытирает ему глаза».

Средневековые рисунки посвящены различной деятельности: люди молятся, пахут, торгуют, охотятся, забавляются, путешествуют, читают и пишут, спят и едят, – но на этих рисунках редко можно увидеть детей, что заставляет задуматься: почему?

Материнская любовь считается врожденной и потому не может утратиться, но, возможно, в определенных неблагоприятных условиях может ослабнуть. В средневековье детская смертность была очень высокой (один, а то и два ребенка из трех), и потому любовь к малым детям, являясь делом неблагодарным, могла подавляться. Возможно также, что частое вынашивание делало детей менее привлекательными для матери. Ребенок рождался и умирал, и его заменял другой. Состоятельные аристократы и буржуа имели больше детей, чем неимущие люди: матерей заменяли кормилицы, и поэтому период бесплодия был коротким. Богатые люди часто взращивали от шести до десяти отпрысков. Гийом де Куси, дедушка Ангеррана VII, вырастил пять сыновей и пять дочерей, а его сын Рауль – четверых сыновей и столько же дочерей. Девять из двенадцати детей Эдуарда III и Филиппы Английской достигли зрелости. Обычно средняя двадцатилетняя женщина была способна к деторождению на протяжении двенадцати лет, но между родами могли возникать перерывы, примерно до двух с половиной лет, вызванные выкидышами или самостоятельным кормлением новорожденного.

Однако говоря о детстве людей, живших в средневековье, нельзя делать категорических обобщений. Конечно, о детях нередко заботились, качали их в колыбели и на руках, пели им

песни на ночь. В XIII веке Филипп из итальянской Новары писал: «Бог в своей милости преподнес детям три дара: любить и узнавать человека, который вскармливает его, встречать с улыбкой того, кто с ним играет и возится, и уважать того, кто занимается его воспитанием. Если по вине взрослых ребенок не сможет воспользоваться этими благодетельными дарами, то он еще в раннем детстве станет раздражительным, капризным и непослушным, и тогда как следует его воспитать окажется затруднительно». Однако Филипп высказывался за строгое воспитание, ибо, как он считал, «немногие дети страдают от строгости, и слишком многие дети от того, что им многое разрешают».

Однако книг по воспитанию детей и уходу за ними в средневековье было немного. Зато не составляло труда найти книги (переплетенные манускрипты) по этикету, домоводству, уходу за больным в домашних условиях и даже освоить начала иностранного языка с помощью разговорника. Из существовавших в то время книг читатель мог получить полезные советы и наставления: постричь ногти и тщательно вымыть руки перед званым обедом, пожевать фенхель или анис, чтобы освежить дыхание, не ковырять прилюдно в зубах, не вытирать руки о скатерть и не вытирать рот рукавом.

По книгам женщина могла научиться делать чернила, отраву для крыс, приправлять вино пряностями, ухаживать за домашними певчими птицами и создавать им условия для спаривания в неволе, выращивать розы, удалять с одежды грязные пятна куриными перьями, намоченными в горячей воде, содержать в тепле спальню зимой, бороться с блохами летом и наставлять слуг должным образом, чтобы, к примеру, служанки, перед тем как лечь спать, гасили свечу на своем ночном столике, на нее дунув, или рукой, а не подолом ночной рубашки.

И все же книги о материнстве и детстве в средневековье существовали, хотя и были напечатааны. Из них можно было узнать, как правильно кормить грудью ребенка, как отнимать и отучать его от груди, как мыть, как пеленать. В частности, эти вопросы рассматриваются в одном из наиболее примечательных сочинений XIII столетия, труде Варфоломея Английского «Книга о природе вещей». Он писал, что кормление грудью новорожденного имеет большую эмоциональную ценность, ибо при этом мать проявляет к младенцу наиболее нежные и теплые чувства. Врач тех же времен Альдобрандино да Сиена, практиковавший во Франции, рекомендовал мыть ребенка два раза в день, отучив от груди, кормить кашей на меде и молоке, а когда ребенок начнет ходить в школу, чередовать занятия с развлечениями и сном. Но как все эти рекомендации выполнялись, сказать затруднительно.

В средневековье многие дети, о которых не заботились должным образом, умирали, не достигнув пяти-шестилетнего возраста. А те, кто в таких неблагоприятных условиях выживал, вероятно, росли эмоционально опустошенными, что могло негативно влиять на их дальнейшую жизнь.

У детей, конечно, были игрушки – куклы, запряженные игрушечными мышами кукольные повозки, деревянные рыцари и оружие, глиняные зверушки, мячи, ракетки с воланами; кое-где находилось место качелям и каруселям. «Мальчики, – по Варфоломею Английскому, – как и все мальчишки на свете и во все времена, не обременены никакими мыслями, беззаботны. Больше всего они любят играть и ничего не боятся, зная, что в худшем случае их ждет лишь наказание розгами. Они неизменно голодны и потому уплетают все, что выставлено на стол, а при случае все, что попадется под руку. Они быстро заливаются смехом и так же быстро ударяются в слезы. Попыткам матери вымыть и причесать их они обычно противятся, а когда их все-таки приводят в приличный вид, то вскоре пачкаются опять». Девочки, согласно тому же Варфоломею, более послушны и близки своим матерям.

Если дети доживали до семи лет, они вступали во взрослую жизнь. Детство кончалось. Средневековая жизнь отличалась в известной степени инфантильностью с присущей ей неспособностью сдерживать опрометчивые эмоции, побуждения. Возможно, это объяснялось тем

фактом, что средневековое население было довольно молодо: примерно половину составляли люди моложе двадцати одного года и приблизительно треть – люди младше четырнадцати.

Мальчик из знатной семьи до семи лет находился на попечении женщин, обучавших его хорошим манерам и грамоте. Святую Анну, покровительницу детства и материнства, часто изображали обучающей читать Деву Марию. В возрасте от восьми до четырнадцати лет сын знатного человека определялся пажом к сеньору, владельцу близлежащего замка, а сыновья бедных родителей в семи-восемилетнем возрасте шли в слуги и подмастерья. Служба у сеньора не считалась позорной и унижительной: паж или даже оруженосец помогал своему господину мыться и одеваться, заботился о его гардеробе, прислуживал за столом. Сеньор в свою очередь обучал оказавшихся у него в услужении сыновей знатных людей: учил их верховой езде, боевому искусству и соколиной охоте, а также петь, музицировать, играть в шахматы и триктрак. Священник, живший при замке, или местный аббат занимался их религиозным образованием, учил чтению и письму и, возможно, началам грамматики.

Когда служившие у сеньора сыновья знатных родителей становились оруженосцами – что случалось в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет, – они приступали к более интенсивным занятиям боевыми искусствами: учились владеть мечом, копьем и другим оружием, изучали геральдику и правила рыцарских поединков. В то же время они помогали управляющему поместьем вести хозяйство сеньора, использовались в качестве конфиденциальных курьеров, а в походах хранили деньги и ценности господина. Науками они почти не занимались, но при желании могли познакомиться с правом и геометрией, основами ораторского искусства и даже с латынью.

Знатные женщины были нередко образованнее мужчин, лучше знали латынь и другие общеобразовательные предметы, ибо девочки, в отличие от своих братьев, не покидали родительский кров в семи-восемилетнем возрасте и, пользуясь этим, не только обучались чтению и письму на родном языке и латыни, но и учились музыке и постигали начала медицины и астрономии, а параллельное церковное воспитание учило их вере и благочестию, что при необходимости помогало без особых сожалений уйти в монастырь.

Последний из де Куси, Ангерран VII появился на свет, когда в жизни средневековья скорость передвижения определялась в лучшем случае резвостью лошади, новости и публичные объявления передавались человеческим голосом, а повседневные дела большинства людей завершались с заходом солнца. С наступлением сумерек раздавался вечерний звон, после чего работать не разрешалось, чтобы избежать случайного урона и ущерба. Богатые люди могли продлить себе день с помощью факелов и свечей, но для простого народа ночь становилась обыденным природным явлением, с которым приходилось мириться, и если человека в пути застала ночь, то его окружала мертвая тишина.

Боккаччо писал по этому поводу:

«Птицы, звери и люди неслышно, потихоньку отходят ко сну. Деревья цепенеют, и даже воздух, набравшись влаги, густеет и замирает. Только звезды сияют, чтобы освещать путь позднему путнику».

Дневную жизнь расцвечивали цветы, покрывавшие поля и луга. Из цветов сплетали венки, которые носили знатные люди, и мужчины, и женщины; цветами украшали праздничные столы, их разбрасывали на улицах перед торжественными процессиями.

Повсеместно встречались нищие, большинство – калеки, слепые, хворые или изображавшие из себя таковых. Безногие передвигались с помощью деревянных колодок, привязанных к рукам.

В средневековье женщины считались приманками дьявола, но в то же время культ Девы Марии делал их объектами поклонения и любви. Лекари в то время были в почете, а юристам не доверяли. Быстрым техническим прогрессом средневековье похвастаться не могло. Пар в качестве движущей силы не применялся, порох стал только-только употребляться. С проказой

все еще покончено не было, зато люди не знали сифилиса. О картофеле, чае, кофе и табаке европейцы даже не слышали. Любимым напитком считалось горячее сдобренное специями вино, но оно стоило дорого. Простые люди пили эль, пиво и сидр.

В те времена мужчины (за исключением священнослужителей) стали носить одежду, отделяющую ноги одну от другой. Они были, как правило, чисто выбриты, хотя борода клинышком и усы то входили, то выходили из моды. Рыцари и придворные стали носить длинноносые туфли с подвязками (*poulaines*) и чрезмерно короткие блузы, которые, по суждению одного из хронистов, оставляли открытыми ягодицы и «другие части тела, кои следует прикрывать». Женщины пользовались косметикой, красили волосы и выщипывали брови и тем самым впадали в суетность, что считалось грехом.

Колесо Фортуны время от времени опускало вниз богатых людей и гораздо реже поднимало вверх бедняков, являясь преобладающим атрибутом нестабильного мира средневековья. Но ожидать в обозримом будущем материального и нравственного прогресса не приходилось и потому полагали, что улучшение жизни каждого человека зависит от степени его добродетели, а для улучшения жизни общества следует ждать Второго пришествия и наступления новой эры.

Жизнь текла по церковному календарю. Сотворением мира считался 4484 год до основания Рима, а современная история начиналась с рождения Иисуса Христа. Регистрация исторических событий стала производиться начиная с установления папской власти, первоначально которой положил святой Петр (42–67 годы). Даты текущих событий увязывались с религиозными праздниками. Год начинался в марте – согласно Чосеру в месяце, «в котором произошло сотворение мира, и Бог создал первого человека». Официально он начинался на Пасху, и потому, как и Пасха, ежегодно сдвигался по времени в интервале тридцати дней. Измерение времени в пределах суток увязывалось с церковными службами, такими, как утренняя (около полночи), лауды (около трех часов ночи), первый час (с восходом солнца, приблизительно в шесть утра), вечерня (в шесть часов вечера), комплеторий (перед сном). Измерение времени основывалось на движении солнца и звезд, за которыми велось постоянное наблюдение. Ко времени рождения Ангеррана VII вошли в употребление механические часы, внесшие точность в научные наблюдения. Такие часы появились на городских ратушах и в домах богатых людей.

Средневековым людям были присущи многие предрассудки. Мерцание болотного газа они объясняли проделками эльфов и гоблинов, а светлячков (жуков, светящихся в темноте) принимали за души погибших некрещеных младенцев. Землетрясения и молнии, вспламенявшие деревья, считались происками сверхъестественных сил, ураганы – предвестниками несчастий, а смерть человека от сердечного приступа или апоплексического удара – делом рук демонов. Люди верили в существование эльфов, вампиров, демонов, колдунов, привидений, не чуждались языческих суеверий и даже на глазах у священнослужителей отдавали дань языческим ритуалам. Все непонятное объяснялось воздействиями планет, а в делах полагались, помимо Бога, на советы астрологов. Процветала и алхимия. Алхимики занимались поисками философского камня, с помощью которого, как считалось, можно превращать основные металлы в золото, а также искали всеисцеляющее лекарство и эликсир молодости.

В то же время пытливые умы занимались настоящей наукой, вели необходимые наблюдения, ставили опыты. Ученый из Оксфорда в результате наблюдения за погодой в течение семи лет – с 1337 по 1344 год – определил, что если колокольный звон слышится более четко или на большем расстоянии, чем обычно, то это явление свидетельствует о повышенной влажности воздуха и предвещает в скором времени дождь. Депрессия и тревожность стали считаться в ученых кругах болезнями, хотя симптомы этих слабостей человека – отчаяние, меланхолия, апатичность – церковь полагала проявлением лени, то есть одним из грехов.

В начале XIV столетия вошли в употребление очки, что позволило престарелым людям читать и продлило научную жизнь ученых. Появилась бумага, более дешевый и доступный

материал, чем папирус, позволившая изготавливать в нужном количестве различные документы и послужившая широкому распространению литературных произведений. В то же время мускульная сила людей и животных, применявшаяся при ведении различных работ, заменялась энергией, производимой водой и ветром. Эта энергия стала использоваться для дубления кожи, изготовления оливкового масла давлением, приготовления сусла для пива, а также в кузнечном и ткацком деле. Вовсю работали мельницы. Они были настолько загружены, что папа Целестин III еще в девяностых годах XII столетия постановил, что владельцы мельниц должны платить церковную десятину. В XIV столетии увеличилось производство различных инструментов и механизмов, к примеру колесных плугов и прялок.

А вот новости, как и прежде, узнавали у путников. По европейским дорогам, когда пыльным, а когда грязным, двигался непрерывный поток пеших и конных: пилигримов, купцов, корабейников, монахов, продавцов индульгенций, сборщиков налогов, менестрелей, курьеров. Курьеры состояли на службе у всех влиятельных и знатных людей, таких как Куси, а также у банкиров, прелатов, аббатов, судей и, конечно, у верховных правителей. В середине XIV столетия английского короля неизменно сопровождали двенадцать посыльных, готовых в любое время отправиться в путь с его поручением. Им платили три пенса в день при исполнении поручения, а кроме того, ежегодно – четыре шиллинга восемь пенсов на приобретение новой обуви. В штате французского короля (как приличествовало правителю огромной страны) состояло около ста курьеров.

В среднем посыльный верхом на лошади мог за день проскакать сорок-пятьдесят миль, на резвой лошади и по хорошей дороге мог передвигаться со скоростью 15 миль в час, а если пользовался подставами, то мог преодолеть сто миль в день. Между Венецией и Брюгге, процветающими в то время торговыми городами, система подстав была налажена так хорошо, что расстояние в семьсот миль преодолевалось всего за семь дней.

С севера на юг Франции – от Фландрии до Наварры – можно было добраться за двадцать дней, а с запада на восток – от Бретани до Лиона на Роне – путешествие занимало шестнадцать дней. Путешественники, направлявшиеся в Италию, преодолевали Альпы по перевалу Мон-Сени и тратили на переход от Шамбери до Турина от пяти до семи дней, а дорога от Парижа до Неаполя через тот же перевал занимала тридцать пять дней. От Лондона до Лиона путь занимал восемнадцать дней, а от Кентербери до Рима можно было добраться примерно за месяц, но во многом длительность таких путешествий зависела от погоды в Ла-Манше. Рыцарь сэр Эрве де Леон, застигнутый в проливе штормом, провел в Ла-Манше пятнадцать дней, потерял упавшую за борт лошадь, а сам так обессилел, что утратил здоровье. Неудивительно, что в одной средневековой балладе говорится, что у паломников, отправлявшихся морем в Сантьяго-де-Компостелу, «падало сердце».

К тому времени на судах появился поворотный кормовой руль, но в штормовую погоду он мало чем помогал, и капитаны полагались на милость моря. При этом вошли в употребление морские карты и карты гаваней, а компас позволял выходить в открытое море. Для перевозки грузов по морю использовались суда грузоподъемностью 500 и более тонн. По рекам грузы перевозили на баржах, что обходилось дешевле, чем транспортировка по суше, хотя местные феодалы взимали пошлину за прохождение по реке вдоль принадлежавшего им участка. При перевозке грузов по Гаронне и Сене приходилось выплачивать пошлину каждые шесть-семь миль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.